

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 59

Москва
2018

УДК 81
ББК 81
Я410

DOI 10.29003/m93.lmc2018-59/1-104

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Редколлегия выпуска:

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук И.В. Зыкова, доктор филол. наук А.И. Изотов,
доктор филол. наук В.В. Красных, доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2018. – Вып. 59.
– 108 с.

ISBN 978-5-317-05789-3

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: фразеология, социолингвистика, социолингвистика, лингво-культурологические исследования, идиома, лексикография

УДК 81
ББК 81

Language - Mind - Communication. The collection of articles: Issue 59 / Ed. by V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. - Moscow: MAKS Press, 2018. - 108 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

ISBN 978-5-317-05789-3

© Авторы статей, 2018

© Оформление ООО «МАКС Пресс»

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Фролова, О.Е.* Некорректное речевое поведение в жанре интервью
= *Frolova, O.E.* Incorrect Verbal Behavior in the Interview
Genre4
- Фролова, О.Е., Щенникова, Е.В.* В поисках диагностического
контекста = *Frolova, O.E., Shchennikova, E.V.* In Search of a
Diagnostic Context.18
- Миронова, Н.И.* Особенности манипуляции в анонсе скрытой
(нативной) рекламы = *Mironova, N.I.* Features of Manipulation
in the Announcement of Hidden (Native) Advertising30
- Крейчи, С.А., Кедрова, Г.Е.* Особенности межъязыковой
интерференции русскоговорящих корейцев = *Kreychi, S.A.,
Kedrova, G.E.* Features of Interlanguage Interference of
Russian-Speaking Koreans44
- Кульпина, В.Г.* Образно-символическая составляющая русского
языка как концепта = *Kulpina, V.G.* Figurative and Symbolic
Elements of Russian Language as a Concept.....53
- Черчук, О.И.* Об адаптации заимствований современным чешским
языком = *Cherchuk, O.I.* To the Adaptation of Borrowings in
Modern Czech64

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Изотова, А.А.* Симфония света и прелюдия тени в романе
В. Вульф «К маяку» = *Izotova A.A.* The Symphony of Light
and the Prelude of Shade in the Novel “To the Lighthouse” by
V. Woolf69
- Изотова, А.А.* Волны цвета в море времени в романе В. Вульф
«Орландо» = *Izotova A.A.* The Waves of Colour in the Sea of
Time in the Novel “Orlando” by Virginia Woolf82

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Изотов, А.И.* Лексикология чешского языка: рабочая программа
учебной дисциплины = *Izotov, A.I.* Czech Lexicology:
Syllabus92
- Авторы выпуска / Authors104

НЕКОРРЕКТНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ

О.Е. Фролова

INCORRECT VERBAL BEHAVIOR IN THE INTERVIEW GENRE

Olga E. Frolova

ABSTRACT:

The article describes the speech behavior of the interview hero – K. Sobchak. Using the nomination of her professional status “journalist”, she explains why she maintains close contacts with the presidential administration, builds her image of an independent liberal politician. Professional status is Sobchak’s bypass, apology and indulgence. Manipulativity of speech behavior Sobchak consists in an attempt to seize the initiative in dialogue, in an attempt to set unequal communicative statuses in an interview, to belittle the communicative status of Dud’, in a proposal to act as a teacher in relation to a journalist who interviews, in an attempt to discredit Dud’ personally and professionally, care from the answers, in the reception of the referential dimming, as a result of which it is not clear which participant in the situation is meant.

Keywords: interview; speech influence; strategy; tactics; the Maxims of Conversation of H.P. Grice; provocation; verbal defense; verbal aggression; verbal substitution; self-presentation; social status; professional status; image; manipulation.

АННОТАЦИЯ:

В статье описывается речевое поведение героя интервью — К.Собчак. Используя номинацию своего профессионального статуса «журналист», Собчак объясняет, почему поддерживает тесные контакты с администрацией президента, строит свой имидж независимого политика либерального направления. Профессиональный статус служит Собчак пропуском, извинением и индульгенцией. Манипулятивность речевого поведения Собчак заключается в попытке перехватить инициативу в диалоге, уходе от ответов, в попытке задать неравные коммуникативные статусы в интервью, принизить коммуникативный статус Дудя, в предложении выступить в качестве учителя по отношению к журналисту-интервьюеру, в попытке дискредитировать Дудя лично и профессионально, в приеме референциального затемнения, в результате чего, неясно, какой участник ситуации имеется в виду.

Ключевые слова: интервью; речевое воздействие; стратегия; тактика; постулаты Г.П. Грайса; провокация; речевая защита; речевая агрессия; речевая подмена; самопрезентация; социальный статус; профессиональный статус; имидж; манипулирование.

Ведущая функция средств массовой информации — информативная, однако далеко не все тексты СМИ свободны от воздействия на аудито-

рию — корректного и некорректного. Суть речевого воздействия состоит в намеренном влиянии на адресата. «Человек обычно окружает свое сознание неким защитным барьером, способным противостоять чужому воздействию и по возможности обеспечивать именно согласование деятельности, а не просто включение себя в чужие планы; и сам же человек является часовым, охраняющим этот защитный барьер и контролирующим проход через него. Эффективное преодоление защитного барьера — это и есть то, что понимается под речевым воздействием в узком смысле и что изучается специальной дисциплиной, именуемой теорией речевого воздействия» [Паршин].

В современной литературе описаны многообразные способы речевого воздействия в различных дискурсах, в том числе манипулятивного [Баранов 2001; Блакар 1987; Болинджер 1987; Демьянков 1983; Демьянков 1984; Иссерс 2006; Копнина 2007; Левин 1998; Михалева 2009; Стернин 2012; Федорова 1991].

Казалось бы, разделение корректного и некорректного речевого воздействия опирается на постулат качества Г.П. Грайса, т.е. на требования не лгать [Грайс 1985], однако, во-первых, с точки зрения логики, язык обладает «ловушками», позволяющими говорящему уклоняться от построения высказывания, соответствующего действительности: многозначными, неясными и неточными понятиями, ситуативными словами — эгоцентриками, гипостазированием, различными ролями понятий [Ивин 2008: 146-160], во-вторых, с точки зрения лингвистики, ложь многообразна [Левин 1998]. Искажение истины может быть пропозициональным, но «в языковом манипулировании более интенсивно используются «непропозициональные» способы лжи, основанные на возможности вариативной интерпретации действительности средствами языка. Обычно в этих случаях говорят о “введении в заблуждение”, “полуправде”, “умолчании”» [Баранов 2001: 214].

Между верифицируемым и неверифицируемым высказываниями простирается обширная зона, которую А.Н.Баранов называет «вариативной интерпретацией действительности» [Баранов 2001: 213-226]. Варьирование осуществляется на разных уровнях языка: лексическом — в выборе слова, синтаксическом — в выборе конструкции, полной пропозиции или номинализации, макроструктурном — в выборе сюжета, дискурсивном — в импликатурах, когнитивном — в метафорах [Баранов 2001: 220-225].

Лингвистическое определение манипуляции таково: это «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2007: 25]. Психологи настаивают на том, что характеристика «скрытый»

является чрезвычайно важной, поскольку она обеспечивает успех манипуляции и реализации двухуровневой цели высказывания, так как собственно влияние и контроль партнера не должны быть распознаны адресатом ([Берн 2013; Доценко 10997; Шостром 2008]).

Интервью — жанр, в котором можно говорить о двух уровнях воздействия: во-первых, журналиста на интервьюируемого, во-вторых, текста интервью на аудиторию. Можно сказать, что журналист выступает как субъект речевого воздействия, а герой интервью испытывает его на себе. Именно журналисту в рамках жанра интервью отдано право, говоря языком шахмат, играть белыми фигурами, т.е., удерживая инициативу, задавать «неудобные» вопросы, вынуждать интервьюируемого раскрываться, говорить о таких сторонах своей деятельности, о которых герой интервью предпочел бы умолчать. Порой вопросы журналиста агрессивны и провокативны (см. [Иссерс 2009]). Однако подобное жанровое распределение ролей не исключает попыток воздействия интервьюируемого на интервьюера.

Мы намереваемся выяснить, каких стратегий и тактик придерживается не журналист, а интервьюируемый, которому в данном жанре инициатива не принадлежит, чтобы, во-первых, не дать журналисту сломать «защитный барьер», во-вторых, предстать перед публикой в наиболее выигрышном виде, в-третьих, так закамуфлировать свое уклонение от вопросов, чтобы у аудитории не возникло сомнений в искренности интервьюируемого.

Мы исходим из предположения о том, что специфика речевого воздействия зависит от дискурсивной принадлежности и жанра текста. Интервью представляет собой «неравноправный диалог, когда инициатива постоянно принадлежит одному из собеседников: он является ведущим, а другой время от времени вмешивается в его речь (спрашивает, уточняет), но реального влияния на перераспределение инициативы не оказывает» [Иссерс 2006: 214]. В интервью инициатива принадлежит журналисту, а интервьюируемый является ведомым. Выделяются три подтипа интервью: предметное, личностное и предметно-личностное в зависимости от того, на что направлены вопросы журналиста [Колесниченко 2008].

Сильные позиции текста также имеют жанровую природу [Арнольд 1978; Лотман 1998; Лукин 2005]. В этом качестве выделяются заголовки, начало, финал текста, композиционный и лексический повторы [Арнольд 1978: 23; Лотман 1998: 63-64, 203-211; Лукин 2005: 87]. Поскольку в жанре интервью инициатива отдана журналисту, как раз его вопросы определяют развитие темы и являются сильными позициями.

В качестве материала нами выбрано интервью К.Собчак журналисту Ю.Дудю, размещенное 24 октября 2017 г. на сайте видеохостинга You-

tube. Длительностью ролика — 1.36.47. Интервью набрало в интернете 7 886 594 просмотра [Дудь 2017], что говорит о значимости и популярности данного материала.

При анализе мы опираемся на понятие речевой стратегии, которое определяется планированием коммуникантом последствий речевого акта, то есть «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2006: 54]. Среди основных стратегий О.Иссерс называет подчинение и дискредитацию, к вспомогательным прагматическим относит, в частности, построение имиджа, вспомогательными диалогическими стратегиями являются контроль на темой и контроль над инициативой [Иссерс 2006: 108].

Видеоряд представляет собой результат монтажа нескольких фрагментов беседы журналиста с Собчак, о чем свидетельствуют монтажные склейки, различные интерьеры и позы участников. Интервью было нами расшифровано. Рассматривались вопросы журналиста, но главным образом, — ответы К.Собчак.

Интервью должно быть отнесено к предметно-личностному типу, поскольку поводом к нему послужило заявление К.Собчак о намерении участвовать в президентских выборах 2018 г. Заявление Собчак было главной темой вопросов Ю.Дудя.

Целью журналиста было заставить К.Собчак высказаться по поводу истинных причин, побудивших ее участвовать в президентских выборах (примеры 1-5).

- (1) ЮД: Ксения, еще несколько месяцев назад ты не собиралась в президенты. А сейчас вжух, ты загорелась.
- (2) ЮД: Три месяца назад все это произошло. Что же изменилось, Ксения?
- (3) ЮД: Я про другое: «без разрешения бы соваться не стал». Почему Прохоров не стал бы соваться без разрешения, а ты стала бы?
- (4) ЮД: Смотри, Ксения, ты поймалась главную претензию к себе?
- (5) ЮД: Ксения. У Навального это не выглядит в отличие от тебя договорным матчем.

В примерах 1, 2 Ю.Дудь констатирует, что решение об участии Собчак в электоральной кампании возникло, с его точки зрения, неожиданно, цитирует ее собственное интервью с А.Навальным на канале «Дождь» от 08.06. 2017 г. и спрашивает о ее мотивах. В вопросе 3 Дудь проводит аналогию между участием в выборах бизнесмена М.Д.Прохорова, который, как полагает журналист, не был независимым кандидатом, и К.Собчак и просит ее сказать, в чем отличие этих двух кандидатов в президенты. Наконец, в примере 5 журналист формулирует свою оценку предвыборной кампании Собчак, характеризуя ее как

договорной матч. Значение данного словосочетания наряду с устойчивым выражением *договорная игра* словарь толкует как матч «с предварительно обсужденным результатом» [ТСРЯН21 2008: 120].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Дудь сознательно формулирует свои вопросы таким образом, чтобы показать, что он не считает заявления Собчак самостоятельными и искренними, а ее участие в выборах полагает результатом договоренности с президентскими структурами.

При анализе реакций Собчак были выявлены независимые от вопросов ответы, направленные на построение имиджа: конструирование собственного статуса и самопрезентации. Собчак позиционирует себя как журналист, хотя Дудь вопрос о ее профессии задает уже в финальной части интервью. Собчак упоминает слова *журналист* и *журналистский* применительно к себе 19 раз. Приведем некоторые из них (примеры 6-9).

- (6) КС: *Я хочу сказать сразу, что, конечно, быть журналистом и задавать вопросы — это в этом смысле позиция всегда более сильная, потому что ты как бы над схваткой. Поэтому понятно, что для меня это большое решение, потому что помимо того, что я, в общем, являясь журналистом, становлюсь политиком.*
- (7) КС: *Я, действительно, узнала такую информацию как журналист, о ней сообщила...*
- (8) КС: *Я нахожусь в разных ситуациях. Сурков важный для меня как для журналиста источник информации не только для меня, поэтому я, в том числе, и с другими журналистами встречалась с Сурковым, ... <...> Я как журналист встречаюсь с разными политическими фигурами для того, чтобы узнавать ситуацию внутри Кремля, и в том числе, после таких встреч я пишу о том, что я узнала про Прохорова, что я узнала про Собянина, про Навального или кого-то еще.*
- (9) КС: *Я не знаю, я могу только рассчитывать на поддержку, поэтому до этого я была журналистам и общалась со всеми, и это моя принципиальная позиция...*
- (10) КС: *Я на эту тему делаю большую журналистскую работу.*
- (11) КС: *Я бы хотела рассказать отдельно в своей журналистской работе с участием всех тех очевидцев событий, которые были.*
- (12) КС: *Я дам тебе исчерпывающей комментарии по этому вопросу, но, чтобы они не звучали как мои личные слова, а чтобы это было как журналистское расследование. Я не хочу об этом сейчас широко говорить. Я скажу только, что это чушь и вранье и у меня*

есть способы доказать документально и разными способами журналистскими, что это чушь и вранье.

Повтор однокоренных слов является сильной позицией текста, тем более, что апелляция к профессии не связана с вопросами Ю.Дудя.

Существительное *журналист* является для Собчак полифункциональным средством: а) объяснения и, возможно, самооправдания, почему она тесно общается с представителями власти (пример 9), что затрудняет четкое разделение между «своими» и «чужими» в ее окружении; б) оправданного, с ее точки зрения, ухода от вопроса (пример 12). В примере 13 видим логическое противоречие: обещание дать *исчерпывающий комментарий*, заявление о существовании доказательств и нежелание предъявить их.

Настойчивое упоминание профессионального статуса служит средством дистанцирования от представителей власти, с которыми Собчак общается по работе. О. Иссерс пишет о семантической категории «свой круг». «Дихотомически противопоставленные концепты “свой” — “чужой” позволяют установить отношения между говорящим, его собеседником и третьими лицами. В этой системе координат автор осуществляет самопрезентацию, очерчивая “свой круг” и каждый раз заново ... разграничивая “своих”, или “наших” от “чужих”» [Иссерс 2006: 202]. Не очертив «чужих», Собчак описывает близких по духу людей, то есть в оппозиции «свой» — «чужой» правый член оказывается немаркированным. В качестве средства включения людей в ближний круг у Собчак служат существительное *друг* и глагол *дружить*, сокращенная форма антропонима *Леша*, инклюзивное *мы*, описание планируемых совместных действий, драматизация — цитирование реплик своих неформальных диалогов с различными лицами.

- (13) КС: *Иван Ургант пригласил меня, спроси? Вот мы с ним друзья, мы живем рядом.*
- (14) КС: *Я с ним не дружу. Я журналист. Я, действительно, общалась с ним несколько раз.*
- (15) КС: *Но у меня много вопросов к Лёше, к Алексею Навальному.*
- (16) КС: *Я строила разговор вокруг того, что было бы хорошо нам всем вместе разработать некий план на случай, если его не зарегистрируют. «Давай выработаем его все вместе».*
- (17) КС: *Вот я не могу даже поставить в неудобное положение, чтобы сказать: «Ваня, вот как бы, почему я не могу у тебя быть. Мы говорили с ним об этом неоднократно. Он говорит: «Ксюх, всегда хотел пригласить, и это было бы очень круто. У меня в программе за эти годы были все, кроме тебя. Я тебя пригласить свою программу пока не могу».*

Прокомментируем пример 17: первая реплика диалога имеет так сказать виртуальный характер, поскольку вводится модальной рамкой, это фраза, которая могла быть произнесена, однако за фразой, которую Собчак не может сказать Урганту, следует его ответ в индикативе, что затрудняет восприятие данного диалога, поскольку неясно, имел ли он место в действительности или же это воображаемый разговор между Собчак и Ургантом, которого в реальности не было. Отметим, что Собчак воспроизводя данный виртуальный диалог, от лица И.Урганта употребляет краткую форму собственного имени *Ксюха*, показывая, что между нею и Ургантом дружеские неформальные отношения.

Важная составляющая публичного имиджа Собчак — политик либерального толка, союзник А. Навального (пример 18).

(18) КС: *Для меня главное — не вопрос к Алексею Навальному, а то, что сегодня, на мой взгляд, это человек, который героически себя проявляет, и я ему очень сочувствую, восхищаюсь тем, что он делает, ... но дальше есть пути, и в какой-то момент у нас был личный разговор с Лёшей, в том числе, я ему сказала: «Послушай, но как бы мы же примерно понимаем, зачем были сделаны все эти уголовные дела..., чтобы сейчас все это сделать так, что якобы из-за этих дел, которые были абсолютно выдуманные, тебя не пустят на выборы». <...> И дальше получается, что нас нету никакого вообще никакого другого варианта. <...>*

ЮД: *Ты ему сказала: я хочу пойти в президенты.*

КС: *Есть такое решение. Я сказала так: что у меня оно не до конца сформировано. Но у меня есть такая мысль.*

В примере 18 показателен незанятая позиция при глаголе во фразе *есть такое решение*, только из следующего предложения ясно, что Собчак говорит о себе, хотя не вполне ясно, что значит *у меня оно не до конца сформировано*, непонятно речь идет о внешних или внутренних причинах.

Чтобы доказать свою оппозиционность, Собчак принимает роль жертвы и говорит о политических преследованиях (примеры 19, 20, 21). Собчак говорит о своем участии в оппозиционных акциях, о том, что ее не приглашают на федеральные телеканалы и она подвергается давлению.

(19) КС: *Если я стала соваться на площади и на митинге, где со мной могли сделать вообще все, что угодно. Если я стала соваться в той ситуации, когда ко мне приходили с обысками, если я стала соваться даже ситуации, когда до сих пор ни на одном федеральном канале меня никогда не захотят видеть...*

- (20) КС: *И за все эти годы я не разу не была ни у Вани Урганта, которого очень люблю, очень уважаю, дружу с ним, вообще считаю прекрасным человеком. Ни у Познера, ни в программах всех этих шоу, которые там происходят, и так далее... Меня там нет.*
- (21) КС: *Я человек, который готов принять на себя вот все это говно, которое льется сейчас на мою голову со всех сторон: и от людей вот там, которые считают и не верят в то, что я говорю, и со стороны администрации президента и каких-то там людей, которые пытаются меня задушить своих объятиях. Вот от всех них я выдерживаю тонны говна каждый день.*

Интересно, описание собственных действий у Собчак сопровождается положительными оценками.

- (22) *Случились волнения, и я пошла туда, потому что это был важный гражданский поступок.*

*Потому что является подчинительным причинным союзом, вводящим пропозицию, которая эту причину раскрывает, то есть Собчак хочет сказать, что участвует в митинге по причине того, что это участие оценивается ею самой как поступок, свойственный «сознательному члену общества» или «проникнутый идеей общественного блага» (см. значение прилагательного *гражданский* [БТС 2002: 225]). С точки зрения логики, причинно-следственные отношения таковы: Собчак пошла на протестную акцию по причине того, что ее участие было гражданским поступком. Собчак выступает и как субъект действия, и как субъект и объект оценки. Мы полагаем, логичнее выглядело бы высказывание: *Случились волнения, и я пошла туда, и поэтому я считаю, это было важным гражданским поступком.* Различие в том, что союзное слово *поэтому* вводит не причину, а следствие.*

Что касается личностных качеств, Собчак, строя свой имидж, позиционирует себя как независимый, честный, смелый равнодушный человек с гражданской позицией (примеры 23, 24, 25).

- (23) КС: *Да я, значит вообще человек, который считает, опять же у нас могут быть у всех разные мнения, но я считаю, что, если ты с человеком знаком, если у тебя есть возможность сказать то, что ты о нем думаешь в лицо перед тем, как публично выступить, это надо делать.*

(24) КС: *Я человек смелый и человек отчаянный.*

(25) ЮД: *Политика или журналистика?*

КС: *Послушай. Давай так. Я ж в политику лезу не по своей воле, а как ассенизатор, которому приходится...*

ЮД: *Ой!*

КС: *в это залезать, потому что никто больше не готов к этому.*

Более того, Собчак говорит о своем уникальном медийном и социальном статусе (примеры 26, 27).

(26) *Но я первая женщина, которая здесь сидит. У тебя была сотня программ. Какие-то рэперы, чьи имена вообще никто не знает. У тебя не было ни одной женщины, которая занимается, не знаю, музыкой, политикой, искусством, чем угодно... Что, нету таких женщин?*

(27) *Я в этом смысле это нескромно звучит, но есть я по узнаваемости вот с таким с таким процентом и Путин. То есть это как бы аудитории от детей до пенсионеров. Вот есть два человека в стране, которых с такой степенью знают и визуально могут понять, кто это: это я и Путин. <...> Сейчас надо просто сделать так, чтобы эти 95 процентов узнаваемости стали доверием.*

Собчак дважды упоминает о том, что она — первая приглашенная на интервью женщина (пример 26). Говоря о своей узнаваемости, она строит конструкцию, начиная не с антропонима, а с личного местоимения первого лица единственного числа, которое является в данном высказывании инвертированной ремой.

Поскольку Собчак участвует в выборах как представитель оппозиции, ей, прежде всего, нужно убедить аудиторию в своей независимости и дистанцироваться от действующего президента, которого Собчак знает с детства.

(27) ЮД: *«Ни с какой апэшечкой в сношениях не была замечена и не буду». Твоя реплика?*

Слово *апэшечка* отсутствует в словарях. Электронный ресурс дает такое толкование: «"Апэшечка" — это не официальный термин. Такое слово придумала Ксения Собчак, утверждая, что она никоим образом не соприкасается с Путиным и его коллегами. Пошло слово "апэшечка" от аббревиатуры АП, обозначающей "администрацию президента". Такое вот милое сокращение от Ксении, кандидата в президенты РФ» [Вопросник].

В этой связи журналист задает Собчак вопрос о ее крестном отце, так как этот факт ее биографии обсуждался в прессе [Ворсобин, Гришин; Губкин].

(28) ЮД: *Как зовут твоего крестного?*

КС: *Господи, какой хороший вопрос! Прекрасный вопрос! Значит, моего крестного. Я, кстати, очень хочу его найти и, может быть, с помощью то есть у тебя не «Жди меня», я в курсе, но, в том числе, я готова обратиться, потому что, на самом деле, я очень давно с ним не общалась, и, может быть, сейчас самый тот момент, когда нужно это уже сделать. Моего крестного зовут*

отец Гурий. Это человек, который меня крестил в Лавре и стал моим крестным отцом. У меня есть также крестная мама, с которой я общаюсь очень много лет. Ее зовут Наташа Каретникова. <...> Вот собственно это были те два человека, которые меня крестили.

(29) КС: *и мы не общались с отцом Гурием, он как бы был крестным отцом, потому что у меня крестил, но у нас не было какого-то с ним общения, поэтому тетя Наташа, которая моя крестная — она моя крестная, я ее знаю и помню. А как звали человека, который меня крестил, я не очень помнила, честно говоря.*

Если обратиться к словарю, то будет ясно, что в рассказе Собчак под словом *крестный* совмещает две роли: священника, производившего обряд и восприемника. *Крестный* — «участвующий в христианском обряде крещения. *Крестный отец*; *к-ая мать* (восприемники по отношению к тем, кого крестят). *Крестный сын*; *к-ая дочь* (крестимые по отношению к своим восприемникам). *Крестный брат*; *к-ая сестра* (имеющие одних и тех же восприемников)» [МАС 2: 127-128; БТС 2002: 469]. Важная единица в толковании причастие *участвующий* в обряде, а не *проводящий* его. В ситуации крещения участвуют священник, младенец, его родители или родственники, восприемники — крестные. Крестным отцом может быть священник, и священник, проводящий обряд, но эти роли не всегда совпадают. Отец Гурий проводит крещение, является ли он при этом еще и крестным отцом, неясно. Показательно употребление Собчак частицы *как бы* в значении неуверенности говорящего или «условного предположения» [БТС 2002: 410]. Данный прием мы называем референциальным затемнением, или референциальным замыливанием, когда адресант так стоит высказывание, чтобы адресат не мог понять, какой участник ситуации какие роли играет. Референциальная неоднозначность снимается, если высказывание построено таким образом: *Отец Гурий и крестил меня, и стал моим крестным отцом*. Из ответа на вопрос журналиста адресат узнает имя священника, крестившего Собчак, однако является ли этот человек также ее восприемником, или крестным отцом, остается неясным.

Итак, в самопрезентации Собчак создает свой имидж, принимая несколько ролей: профессионального журналиста, независимого политика либерального направления, заменяющего А. Навального на выборах, в случае если его не зарегистрируют, жертвы политических преследований, единственного кандидата, который может представлять оппозицию, человека, обладающего почти 100-процентной узнаваемостью.

Обратимся теперь к характеру взаимодействия журналиста и интервьюируемого. Повторим тезис о том, что в данном жанре инициатива принадлежит журналисту, однако участники интервью строят свое ре-

чье поведение, исходя из того, что их статусы равны. Посмотрим, как Собчак позиционирует себя в отношении с журналистом. Различие в статусах складывается между тем, как представляет себя (примеры 26, 27), как она описывает интервьюера (примеры 30, 31, 32) и как строит противопоставление в профессиональном и личностном планах, сравнивая себя и журналиста, которому она дает интервью (пример 33). В примере 34 Собчак, интерпретируя вопросы Дудя, утверждает, что она является предметом зависти.

(30) *Сидит человек в кроссовочках, милый красивый симпатичный мальчик и говорит мне про то, что у тебя ничего не было. Юра, у тебя были когда-нибудь обыски? Ты знаешь, что это такое?*

(31) ЮД: *Действительно ли ты считаешь, что люди, которые, ну которых ты назвала «генетическим отребьем» проголосуют за тебя?*

КС: *Вот ты сейчас действуешь, как вот реально журналист Киселев или Соловьев. Я удивляюсь, что этот вопрос не был припасен для их программ.*

(32) *Ты, являясь человеком, который должен общаться со всеми, собирать информацию, должен быть в курсе событий, [если] ты будешь куда-то откуда выбегать. Юр, тогда к тебе никогда не будет приходить никто, кроме твоих рэперов.*

(33) *Он прошелся по моим же героем, сделал с ними какие-то интервью. Если ты спросишь меня, моего мнения по поводу твоих интервью или попросишь дать тебя мастер-класс, я с удовольствием это сделаю. Вот в жизни надо жертвовать, в том числе, Юра, и деньгами. Я знаю, что тебе этого не понять, но все же поверь мне на слово. Надо жертвовать деньгами иногда ради большой идеи, поэтому я сейчас выполняю все обязательства, которые я уже на себя взяла.*

(34) КС: *Не надо мне в этом смысле завидовать.*

(35) КС: *Познер говорит тебе о том, что ему не разрешают приглашать Ходорковского в эфир. Это прямая цензура. И что делает Юра Дуть? Он бежит в полицию писать заяву? Нет, он рекламирует какую-то херню, по которой музыку надо слушать.*

В примере 30 Собчак указывает на неравенство статусов, поскольку она обладает опытом жертвы преследований, которого лишен Дудь. Далее, применяя прием сравнения, Собчак сопоставляет вопросы журналиста с работой прокремлевских пропагандистов, работающих на федеральных каналах, а следовательно, отказывает Дудю в независимом мнении. В примерах 32, 33 Собчак дискредитирует журналиста как профессионала, которых интервьюирует незнакомых широкой публике

персон и позже, вслед за Собчак, переключился на тех лидеров общественного мнения, у кого уже взяла интервью сама Собчак. Более того, поскольку, с точки зрения Собчак, ее профессиональный уровень как журналиста выше, она предлагает выступить в качестве учителя. Здесь происходит вербализация разности в статусах «учитель — ученик», что, по-видимому, важно для Собчак как инструмент дискредитации. Главный упрек примера 33 — в корыстолюбии и отсутствии общественной позиции у Дудя, который не способен понять истинные мотивы, которые движут Собчак. Эту же логику Собчак предлагает в примере 35, в котором описывается пассивная общественная позиция Дудя, не делающего заявления в полицию по поводу стоп-листа в программе другого журналиста — В.Познера. Можно констатировать, что Собчак в данных реакциях подтверждает наличие такого качества как *высокомерие*, и именно в этом состоит вопрос о *генетическом отребьи* (пример 31).

Попытку перехватить инициативу мы видим в примерах 36-38. Пример 36 представляет собой ответ вопросом на вопрос. Собчак несколько раз возвращается к теме сексизма Дудя, вынуждая его объяснить, как он понимает значение этого слова. Слово *сексист* Собчак употребляет 8 раз. Примеры 36-38 демонстрируют прием нанизывания, поскольку сексизм должен в понимании Собчак дополняться гомофобией и антисемитизмом. Цели подобных высказываний — попытка перехватить инициативу и дискредитация журналиста.

(36) КС: *Мне мой хороший знакомый, но это правда, говорит: «Юра — сексист». Я говорю: «С чего вы взяли? Но вряд ли это так». Сейчас ты реально подтверждаешь эту мысль.*

(37) КС: *Ты, знаешь, это такая же позиция, как я не обращаю... Так, я думаю, Стерлигов тоже мог бы сказать: я не обращаю внимания на то, <...> человек гей или гей, но геи у меня не работают. Но это ничем не отличается, понимаешь.*

(38) КС: *Осталось только спросить, как ты к евреям относишься.*

Примеры 36-38 можно интерпретировать как защиту в форме нападения.

Подведем итоги. В фокусе нашего внимания были не вопросы журналиста, а ответы героя интервью. Можно сказать, что целью К.Собчак было создать имидж независимого, честного политика либерального толка, при этом ее профессиональный статус журналиста послужил ей своеобразными «пропуском», «извинением» и «индальгенцией» — инструментом, позволяющим не дистанцироваться от контактов с представителями властных структур, употреблять выражения, которые могут задеть аудиторию, уходить от вопросов. С нашей точки зрения, в речевом поведении Собчак присутствует манипуляция, заключающаяся в попытках закамуфлировать нежелание отвечать на вопросы, как с

семантикой словосочетания *крестный отец*, так и с обещанием вернуться к вопросу и дать ответ позже, попытки понизить статус журналиста-интервьюера и выступить в качестве учителя, переключить внимание аудитории на недостойные качества журналиста — сексизм, отсутствие гражданской позиции и, в конечном итоге попытка перехватить инициативу в диалоге.

Литература / References

1. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Союз // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс. URL: <http://rusgram.ru/%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7> (дата доступа 12.02.2018)].
2. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23-31.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2013.
5. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.
6. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 23-43.
7. Вопросник [Электронный ресурс. URL: <http://www.voprosnik.ru/forum/poll/1381928/%D0%90%D0%BF%D1%8D%D1%88%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%B0-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%88%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F?108395002115096233223972> (дата доступа 07.02.2018)].
8. Ворсобин В., Гришин А. Интервью с К.Собчак // Комсомольская правда. 15.01.2017 [Электронный ресурс. URL: <https://www.kp.ru/daily/26781/3815447/> (дата доступа 11.02.2018)].
9. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
10. Губкин И. Собчак уличили во лжи насчет крестного отца // Дни.ру [Электронный ресурс. URL: <https://dni.ru/society/2017/10/30/383768.html> (дата доступа 11.02.2018)].
11. Демьянков В.З. Аргументирующий дискурс в общении: (По материалам зарубежной лингвистики) // Речевое общение: Проблемы и перспективы. М.: ИНИОН, 1983. С.114-131.
12. Демьянков В.З. Коммуникативное воздействие на структуру сознания // Роль языка в структурировании сознания. М.: Институт философии АН СССР, 1984. Ч.1. С.138-161.
13. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997.
14. Дудь Ю. Интервью с К.Собчак 2017. [Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wpfpey_0G5A&t=1208s (дата доступа 07.02.2018)].
15. Ивин А.А. Логика. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство "Мир и образование"», 2008.
16. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Комкнига, 2006.
17. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 92-104.

18. Колесниченко А.В. Практическая журиластика. Учебное пособие. М.: МГУ, 2008. [Электронный ресурс. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text28/0034.htm> (дата доступа 07.02.2018)].
19. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2007.
20. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 594-605.
21. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство - СПб», 1998.
22. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Изд-во «Ось-89», 2005.
23. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.
24. Паршин П.Б. Речевое воздействие// Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html (дата доступа 07.02.2018)].
25. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное пособие. Воронеж, Истоки, 2012.
26. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия// Вопросы языкознания. 1991, № 6. С. 46-50.
27. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М.: Апрель-Пресс. 2008. [Электронный ресурс. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/shost01> (дата доступа 07.02.2018)].

С л о в а р и

- БТС 2002 – Большой толковый словарь / Ред. С.А.Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.
- МАС – Словарь русского языка. В 4-х тт. / Ред. А.П.Евгеньева. Изд-е 3-е. М.: Русский язык, 1985-1988.
- ТСРЯН21 2008 – Толковый словарь русского языка начала XXI в. / Ред Г.Н. Складаревская. М.: Эксмо, 2008.

В ПОИСКАХ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

О.Е. Фролова, Е.В. Щенникова

IN SEARCH OF A DIAGNOSTIC CONTEXT

Olga E. Frolova, Evgeniya V. Shchennikova

ABSTRACT:

The article describes negative information encapsulated in words: a buckler, a killer, a maniac, an offender, a criminal, a sadist. In order to apprehend these words the reference to an explanatory dictionary is not sufficient. It is necessary to analyze the role of the unit in speech. First, composition of the noun phrase should be taken into account. Second, the meaning of the predicate should be determined: identifying, taxonomic, on the one hand; or characterizing, on the other. Third, the semantics of the unit use should be derived from a syntactic construction. Fourth, for a number of cases only a broad context allows us to determine the type of use – whether it is identifying, or evaluative, or characterizing. Fifth, in interpreting the use of a lexical unit, a linguist relies on background knowledge. As a diagnostic context, which makes it possible to determine the characterizing figurative usage, a complex "nominative predicate *simply + real + N*" has been suggested.

Keywords: negative information; forensic linguistics; thematic group "criminal"; figurative meaning; evaluation

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена негативной информации, которую «сообщают» об именуемом лице слова *живодер, киллер, маньяк, правонарушитель, преступник, садист*. Помимо лексикографического толкования, при анализе значений этих слов следует учитывать следующие параметры их употребления в речи: состав именной группы, значение предиката (идентифицирующее, таксономическое или характеризующее), тип синтаксической конструкции, а также особенности коммуникативной ситуации. В качестве диагностического, позволяющего выявить случаи переносного употребления указанных слов, в настоящей работе был предложен контекст «сложный именной предикат *просто + настоящий + N*».

Ключевые слова: негативная информация; лингвистическая экспертиза; тематическая группа «преступник»; переносное значение; оценка

Понятие негативной информации, на которое опирается лингвист-эксперт при анализе спорных текстов по делам, связанным с унижением достоинства человека (например, в рамках ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» и др.), предполагает наличие в языке единиц, которые бы именовали нежелательные качества и осуждаемые

социумом поступки человека. Под негативной понимается такая информация, «которая содержит отрицательные характеристики лица <...> с точки зрения здравого смысла, морали (“неписаного закона”) или с правовой точки зрения (по отношению к эксперту-лингвисту – в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если негативная информация (сведения) не соответствует действительности, то такая распространяемая информация порочит субъект информации, лицо, к которому она относится» [Памятка 2004: 26].

В многообразии языковых средств выражения негативной информации и вербализации оскорбительных смыслов эксперты традиционно выделяют несколько групп лексики, в числе которых: 1) констатирующие номинации человека по его антиобщественной, порицаемой деятельности: *мошенник, фашист*; 2) слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, обозначающие осуждаемую деятельность человека или его позицию: *расист, двурушник*; 3) зоосемантические метафоры, подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека посредством его сравнения с животным – прототипическим носителем этого свойства: *баран, слон*; 4) глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой, которая переносится на производителя соответствующего действия: *лицемерить, хапнуть*; 5) эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*; 6) специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*; 7) матизмы, употребленные в номинативной функции; 8) имена собственные в контексте сравнения человека с одиозными историческими или литературными персонажами: *Гитлер*. См. подробнее об этом, например, в: [Россинская, Галяшина 2010: 348–349; Цена слова 2002: 333–349].

Важную проблему анализа языковых единиц в тексте, содержащем негативную информацию о ком-либо, О. В. Кукушкина видит в том, что, ориентируясь только на форму и отсутствие маркеров мнения, эксперт может неверно интерпретировать смысл высказывания [Кукушкина 2016]. Необходимость различать утверждение и мнение подкрепляется требованием разграничивать оценку и факт. Анализ текста осложняется и многозначностью лексики: ряд лексем, в том числе входящих в перечисленные выше группы, способен передавать негативную информацию о человеке только будучи употребленными в фигуративном значении.

Мы ставим перед собой цель попытаться сконструировать диагностический контекст, позволяющий определить переносное значение у конкретного слова, для чего нам нужно показать различные типы соот-

ношения прямого и переносного значений в его семантике, а также проследить «распределение» негативной информации по типам значений.

В качестве материала нами были отобраны шесть лексем из тематической группы «преступник»: *живодер*, *киллер*, *маньяк*, *правонарушитель*, *преступник*, *садист*. Более подробный анализ состава этой группы с описанием входящих в нее единиц был выполнен нами ранее, его результаты представлены в работе [Фролова, Щенникова 2016].

Обращаясь к толковому словарю, видим, что две единицы из приведенных выше моносемичны, три многозначны, относительно одного слова словарь не дает точного ответа. Согласно БТС многозначны существительные *живодер*, *маньяк*, *преступник*. Только одно номинативное значение словарь фиксирует у слов *киллер* и *правонарушитель*. Самая сложная ситуация с описанием значения складывается у существительного *садист*.

Теперь обратимся к соотношению номинативного и переносного значений этих слов. У существительного *живодер* прямое значение касается профессиональной деятельности человека, а переносное – присутствующих ему проявлений: «*Разг.-сниж.* 1. Человек, который профессионально занимается убоем животных и сдирает с них шкуру. *Живодёры отлавливают бродячих животных. Кошка, наверное, к живодёру попала.* 2. О жестоком человеке, мучителе. *Отстаньте, живодёры! Что ты мучаешь котёнка, живодер?* || О жадном, наживающемся за счёт других человеке. *Обобрали меня живодеры, как липку. За такую дрянь столько просите, живодёры!* [БТС 2000: 304]. Для слова *маньяк* в толковом словаре зафиксировано следующее толкование: «1. Психически больной человек, одержимый манией (1 зн.). *Лечение маньяка. Больной с лицом маньяка. Жить, вести себя, как маньяк.* (одержимо, страстно, отдаваясь полностью чему-либо). 2. *Разг.* О человеке, одержимом страстным влечением к чему-л. *Он маньяк, так он любит музыку. Маньяк футбола*» [БТС 2000: 520]. В своем прямом значении данное слово описывает род душевной болезни, в переносном – страстную увлеченность чем-либо. Наконец, для существительного *преступник* прямое и переносное значения по словарю таковы: «1. Тот, кто совершил преступление (1 зн.). *Уголовный преступник. Военный преступник. Государственный преступник. Опознать, задержать, поймать с поличным, разоружить преступника. Стать преступником. Колония для несовершеннолетних преступников.* 2. Тот, кто совершил что-либо предосудительное, недопустимое, вредное для кого, чего-либо *Чувствовать себя преступником перед кем-либо*» [БТС 2000: 967]. Различие между прямым и переносным значениями данного слова заключается в том, что первое отсылает

к юридическому термину *преступление*, описывающему опасное анти-общественное деяние, а второе – к проступку.

В зоне толкования существительного *садист* в БТС употреблено полисемичное слово *садизм* («Человек, одержимый садизмом»), которое, в свою очередь, имеет следующие значения: «1. Вид полового извращения, при котором для получения удовлетворения необходимо причинить физическую боль партнёру, (противоп.: мазохизм). По имени французского писателя 18 в. маркиза де Сада. 2. Страсть к жестокостям, истязаниям; упоение чужим страданием, болью» [БТС 2000: 1140]. Составители словаря не указывают, какое из значений слова *садизм* легло в основу производного обозначения.

Полученные на основе анализа словарных толкований данные обобщены ниже в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение прямого и переносного значений слов «живодер», «маньяк», «преступник», «садист»

Слово	Характер прямого номинативного значения	Характер переносного значения
<i>живодер</i>	Профессия	оценка поступков (жестокость) оценка качеств (скупость)
<i>маньяк</i>	психическое заболевание	оценка поступков (увлеченность)
<i>преступник</i>	противоправная деятельность	оценка поступков (недопустимость)
<i>садист</i>	сексуальная перверсия	? оценка поступков (жестокость)

Различие в употреблении многозначных единиц в актантных и предикатных позициях оказывается недостаточным для того, чтобы безоговорочно признать за первым типом только номинативное, а за вторым – исключительно фигуративное употребление. Во-первых следует учитывать состав именной группы. Во-вторых значение предиката может быть идентифицирующим, таксономическим, с одной стороны, или же характеризующим, с другой. В-третьих, семантика единицы может выводиться из синтаксической конструкции. В-четвертых, для ряда случаев только широкий контекст позволяет определить тип употребления – идентифицирующий или же оценочный, характеризующий. В-пятых, при анализе каждого словоупотребления лингвист неизбежно привлека-

ет экстралингвистические знания. Проиллюстрируем это примерами из Национального корпуса русского языка.

Живодер

(1) *Он хоть и живодер, но искренне жалеет тех, кого убивает* [Виорель Ломов. Музей // «Октябрь», 2002].

Для примера (1) важны предикатная позиция слова *живодер*, идентифицирующая семантика, роль контекста: высказывание с уступительным союзом представляет собой вид «but-теста», позволяющего выявить признак, входящий в состав сложного понятия. Предполагается, что профессиональный живодер не должен испытывать жалости к животным.

(2) *Они только наблатыкались носить тысячедолларовые костюмы и казаться ужасно «вумными» в телеке. Да и то, лишь на фоне нищих пенсионеров, плачущих под красными знамёнами о временах живодёра Сталина* [Владимир Баранов. Миссия невыполнима (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.01].

В примере (2) существительное *живодер* входит в состав актантной именной группы, употреблено в переносном значении и не обозначает профессиональную занятость лица, а описывает исторический период, характеризующийся жестокостью. К такому выводу интерпретатор приходит, исходя из состава именной группы и экстралингвистических знаний, связанных с антропонимом *Сталин*.

(3) *Их Наставник был самодуром и живодёром, и оставалось только гадать, за какие прегрешения судьба послала его парням в наказание вместо прежней Наставницы...* [Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)].

(4) *Ну, а Олег? Такой же был язычник и живодер* [Сергей Прокофьев: дневники (2003) // «Российская музыкальная газета», 2003.02.12].

Примеры (3) и (4) интерпретируются на одинаковых основаниях: предикатное употребление определяется как характеризующее, поскольку слово *живодер* включено в ряд других именных предикатов, при этом предикатные выражения не находятся в отношениях рода и вида. В примере (3) интересующее нас слово соседствует с негативно оценочным *самодур*, в примере (4), напротив, работает принцип «тесноты стихового ряда» Ю. Н. Тынянова, предполагающий семантическое взаимовлияние соседствующих языковых единиц друг на друга [Тынянов 1965: 66].

(5) *Глушитель и резьбу на дуле для него сделал один знакомый слесарь-умелец из мастерской металлоремонта, взяв, живодер, большие деньги* [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)].

При интерпретации употребления существительного *живодер* в примере (5) ключевым фактором является контекстуальный: в данном случае имеется в виду алчность слесаря, который взял за работу сумму большую, чем та, на которую рассчитывал заказчик.

Маньяк

(6) *Катя не была маньяком чистоты, но порядок любила и старательно его поддерживала* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Исходя из конструкции именной группы в позиции предиката мы определяем в примере (6) переносное употребление, поскольку зависимый компонент, выраженный именем в родительном падеже, обозначает предмет страсти: *маньяк (чего?)*. При номинативном употреблении существительного такой зависимый компонент не предполагается.

Садист

Ранее мы установили, что данное существительное употребляется в случаях проявления человеком жестокости как в сексуальной сфере, так и в отношениях с окружающими в целом. Второе понимание, по нашим наблюдениям, в настоящее время активно распространяется, вытесняя первое.

(7) *А ведь и Октябрьскую революцию готовили в основном не честолюбивые политики и кровожадные садисты, а в большинстве своем идеалисты, мечтатели о равенстве и братстве, последователи декабристов, парижских коммунаров и прочих революционеров, желающих добра своему народу* [Жизнь в мире мифов. Обратная связь (2003) // «Известия», 2003.01.29].

В примере (7) слово *садист* занимает актантную позицию и употреблено в значении, описывающем жестокость новой власти. На это указывает состав именной атрибутивной группы с оценочным прилагательным *кровожадный*.

(8) *Глухо застекленное окошко расположено, согласно замыслу **сади-ста** проектировщика, слишком низко, и, чтобы увидеть чиновника, я нагибаюсь и ору в трубку* [Мириам Гамбурд. Рассказы // «Звезда», 2002].

В примере (8) при актантном употреблении существительного *садист* речь идет не о физических и моральных страданиях, причиненных проектировщиком, а о созданном им неудобстве для пользователя. Наблюдения над НКРЯ позволяют сделать вывод о том, что подобный перенос значения для слова *садист* является довольно частотным.

Киллер

Толковый словарь фиксирует у существительного *киллер* одно значе-

ние: «наёмный убийца» [БТС 2000: 427]. «Толковый словарь русского языка начала XXI века» предлагает толкование «профессиональный убийца» [ТСРЯН21 2008: 454]. Однако НКРЯ обнаруживает примеры, в которых оно употреблено в переносном значении и обозначает некоего «уничтожителя».

(9) *Но есть критики, которые планомерно уничтожали «Современник», – убийцы, театральные **киллеры*** [Галина Волчек. «Верю во взаимность во всем, не только в любви» // «Огонек», 2013].

В примере (9) именная группа *театральные киллеры* занимает позицию предиката и относится к критикам, которые, по мнению Г. Волчек, были несправедливы к «Современнику». Негативная информация при таком переносном употреблении сохраняется в высказывании.

(10) *Натуральные **киллеры** – популяция лимфоцитов, способная оказывать прямое токсическое действие на раковые и вирусинфицированные клетки* [Анна Солодова. «Испанка» // «Детали мира», 2011].

(11) *И потому иммунитет временно загоняет своих овчарок – лимфоцитов-киллеров – в вольер а болонок – лимфоцитов-супрессоров – напротив, выпускает прогуляться, позволяя им вести себя дурашливее, чем обычно* [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

Примеры (10) и (11) относятся к сфере медицины. В примере (10) именная группа со словом *киллеры* – актантная, в примере (11) – предикатная, объединяет оба этих употребления отнесение к неличному референту. Для данных примеров исключено наличие негативной информации.

(12) *Фактически президент стал «информационным **киллером**» для всего российского сообщества политологов, которые в конце концов сознались, что так до сих пор и не поняли логики действий президента* [Виктор Бондарев. Если друг оказался вдруг президентом, или Вертикаль Владимира Непредсказуемого // «Родина», 2008].

(13) *...Через двадцать лет невольные **киллеры** памяти подсовывают мне другой вариант этого эпизода* [Марина Палей. Дань саламандре (2008)].

Непредсказуемость поведения и стирание воспоминаний из памяти, которые в примерах (12) и (13) обозначает слово *киллер* в актантном и предикатном употреблении, с нашей точки зрения, все же можно рассматривать в качестве негативной информации. Отметим, что В. Бондарев дистанцируется от этой оценки путем постановки кавычек.

(14) *Хотя все головоломки Алана – действующие модели, вряд ли кто*

*рискнет их решать: а вдруг при этом чихнешь или кашлянешь... Компьютер **киллер** Головоломка Марти Райс (Marti Reis) из Калифорнии [В. Красноухов. Встреча головоломщиков в Бостоне // «Наука и жизнь», 2007].*

Пример (14) касается досуговой сферы, без обращения к содержанию игры трудно определить, какое именно значение выражает слово *киллер* в приведенном контексте.

Анализируя примеры (9)–(14), мы должны признать, что у существительного *киллер* наблюдаются переносные употребления, которые несопоставимы с прямым, номинативным, употреблением по размеру нанесенного ущерба и социальной опасности (убийство). Примеры (9), (12), (13), при этом отрицательная коннотация у слова сохраняется. В примерах (10), (11) автор выбрал такую номинацию, видимо, с целью акцентуации степени интенсивности протекающих в организме процессов.

Подобный описанному сдвиг значения у слова *киллер* был отмечен сравнительно недавно, см. в: [НСиЗ 2009, т. 1]. Употребления в примерах 9, 12 описаны как новые значения личного существительного: «Информационный киллер. О журналисте, распространяющем в средствах массовой информации негативные сведения о ком-, чем-л (*публ.*); <...> Политический киллер. Об общественном деятеле, стремящемся к устранению любыми способами политических противников своих, своей партии и тп. (*публ.*)» [НСиЗ 2009, т. 1: 781]. Семантика медицинских примеров с существительным *киллер* пока не получила лексикографического отражения.

Преступник

Для данного существительного в употреблении доминирует прямое, номинативное значение – см. пример (15). В этом случае деянию лица дается юридическая квалификация. Как свидетельствует толковый словарь, в переносном значении слово может использоваться для обозначения проступка, провинности, уступающих по степени своей социальной опасности преступлению – см. пример (16). Здесь уже речь идет о субъективной оценке действий.

(15) *Бывшие узники нацизма принимают деньги с благодарностью, ведь их дает другое поколение, чувствующее вину за свой народ. Настоящих **преступников** простить невозможно. Они умерли, не получив прощения [Гаяз Алимов. Покаяние. Немцы закрывают страшную страницу истории с чистой совестью. А мы? (2001) // «Известия», 2001.08.31].*

(16) *Я точно ее закрывала. Мне что теперь, не верить тут никому?*

Замки менять? – и сообразив, что дальнейшее выяснение лучше отложить, отправила преступников по комнатам. Катя молча наблюдала эту картину. Она всматривалась в лица двух этих странных людей, мальчика и девочки, странных, потому что живут не так, как жила она в детстве и юности, и ей неизвестно, как это – жить в каком-то казенном доме, где нет ничего твоего, где ты на виду, и тобою распоряжаются какие-то чужие равнодушные люди... [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Правонарушитель

В толковом словаре у слова правонарушитель зафиксировано следующее значение: «Юрид. Лицо, совершившее правонарушение; преступник. *Правонарушитель задержан. Судить правонарушителя*» [БТС 2000: 953]. Это существительное является термином, то есть негативная информация за ним закреплена самим определением. Оно сохраняет негативную информацию в юридических документах, СМИ и художественных текстах. Моносемичность исключает характеризующее предикатное употребление существительного *правонарушитель*.

(17) *Виктор протиснулся сквозь толпу правонарушителей: все были с помятыми лицами, красноглазые, в изжеванной одежде* [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)].

(18) *Полицейские получают право использовать спецсредства (водометы, газовые баллончики, электрошокеры, травматическое оружие) против административных правонарушителей* [Иван Петров. Силовики заживут по-новому (2010.12.29) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/12/29/focus/562949979493087.shtml>, 2010].

Так в примерах (17) и (18) существительное *правонарушитель* употребляется в актантной позиции, а функционально-стилистическая отнесенность текста не влияет на выраженность негативной информации в высказывании.

Мы подвергли анализу контексты употребления существительных *живодер, киллер, маньяк, правонарушитель, преступник, садист* в разных синтаксических позициях, покажем теперь их способность выступать в качестве средства оценки в таблице 2.

Таблица 2. Возможности употребления слов «живодер», «киллер», «маньяк», «правонарушитель», «преступник», «садист»

Слово	Негативная информация в прямом значении	Негативная информация в переносном значении
<i>Живодер</i>	–	+
<i>Киллер</i>	+	+/-
<i>Маньяк</i>	–	–
<i>Правонарушитель</i>	+	0
<i>Преступник</i>	+	+
<i>Садист</i>	+/-	+

Поскольку слово в характеризующем значении тяготеет к позиции предиката, мы видели свою цель в том, чтобы предложить контекст, в котором интересующее нас существительное могло бы употребляться только в переносном значении. На эту роль, с нашей точки зрения подходит следующая конструкция: именной предикат *просто* + *настоящий* + *N* в составе частицы и прилагательного. В этом контексте частица *просто* способна реализовать любое из своих значений: «1. Совершенно, прямо. 2. Всего лишь, всего-навсего; не иначе как» [БТС 2000: 1027]. Прилагательное *настоящий* в данной именной группе выступает в одном значении – «соответствующий определённым требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал кого, чего-либо» [БТС 2000: 602].

Эксперимент позволяет выявить возможности вхождения анализируемых нами существительных в состав такого предиката: *Он – просто настоящий живодер*; *Он – просто настоящий маньяк*; *Он – просто настоящий садист*. Для трех имен такой контекст совершенно естественен. Здесь имеется в виду жестокость, акцентируемая при переносных употреблениях имен *живодер*, *садист*, и крайняя степень увлеченности для слова *маньяк*.

(19) *Боули вздохнул, он явно тянул время. Да он просто настоящий садист!* [Мюссо 2016].

Для существительного *киллер*, взятого в прямом значении, постановка в такой контекст представляется нам затруднительной, что, однако, неактуально для переносного значения: *Журналист – просто настоящий киллер*; *Лимфоциты – настоящие киллеры*.

Для существительных *правонарушитель* и *преступник*, являющихся в первую очередь юридическими терминами, вхождение в высказывания с таким предикатом или невозможно, или порождает новый смысл. Фраза *Он – просто настоящий правонарушитель* выглядит странной. В

то же время фраза *Он – просто настоящий преступник* допускает двоякую интерпретацию: 1) именно данное лицо, а не кто иной, совершило преступление; 2) данное лицо совершило проступок, которое воспринимается говорящим как значительный.

Итак, подведем итоги. Понятие негативной информации актуализируется в высказывании и соотносится с семантикой языковой единицы, в рассматриваемом нами случае со словами тематической группы «преступник», находящимся на разной степени удаления от ядерного значения: *живодер, киллер, маньяк, правонарушитель, преступник, садист*. Как показывают словарные толкования и реальные контексты словоупотреблений, существительные *живодер, маньяк, преступник* являются полисемичными, активно реализуют свои переносные, характеризующие, значения. У слова *живодер* прямое значение связано с профессиональной принадлежностью лица, а у существительных *маньяк, садист* – с различными психическими девиациями. Слова *живодер* и *садист* выражают негативную информацию особенно ярко не в прямом, а в переносном значении. Моносемичное существительное *киллер* ведет себя иначе: негативная информация сосредоточивается в прямом значении, а переносное связывается с идеей уничтожения, причем не обязательно в обвинительной функции. Для данного существительного особую роль играет анализ контекста: даже если негативная информация и присутствует в случае переносного употребления, ее мера несопоставима с той, на которую указывает слово в прямом значении. Градуальность негативной информации определяется, по-видимому, размером ущерба, нанесенного поступком агенса и субъективным отношением говорящего к различного рода деятельности. Слова *преступник* и *правонарушитель*, являющиеся юридическими терминами, можно рассматривать в качестве потенциальных маркеров наличия негативной информации в тексте.

В качестве диагностического контекста, позволяющего разделять прямое и переносное, характеризующее, значения существительного, в нами был предложен «сложный именной предикат *просто + настоящий + N*». Представляется возможным дальнейшее использование этой конструкции с целью проверки слов тематической группы «преступник» и обозначений из иных сфер.

Литература / References

1. Кукушкина О. В. Негативная информация: мнение или факт // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. С. 132–145.

2. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристконсультантов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Медя, 2004.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: ООО Проспект, 2010.
4. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965.
5. Фролова О. Е., Щенникова Е. В. Образ преступника в сознании носителя русского языка // Библиотека криминалиста. Научный журнал 2016. № 6. М.: Юрлитинформ. С. 349–357.
6. Цена слова : из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Гильдия лингвистов-экспертов по док. и информ. спорам, Фонд защиты гласности // Авт.-сост. А. Н. Баранов и др. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

Лексикографические источники

- БТС 2000 – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- НСиЗ 2009 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
- ТСРЯН21 2008 – Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика: около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008.

Источники примеров

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата последнего обращения: 19.02.2018).
- Мюссо Гийом. После... [пер. с фр. Л. Коротковой]. М.: Издательство «Э», 2016.

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯЦИИ В АНОНСЕ СКРЫТОЙ (НАТИВНОЙ) РЕКЛАМЫ

Н.И. Миронова

FEATURES OF MANIPULATION IN THE ANNOUNCEMENT
OF HIDDEN (NATIVE) ADVERTISING

Nataliya I. Mironova

ABSTRACT:

The article deals with manipulation in a native advertising. Native (hidden) advertising is «disguised» as a regular site content. Hypertext technologies using allows to hide the main advertising text. The analysis of the starting part of the native advertising, announcements on the «Health», is presented in this article. Advertising announcements are «disguised» as a brief news reports. It was shown what speech manipulative strategies, tactics and techniques are used in announcements of hidden advertising. Native advertising is represented as a means of the individual consciousness manipulating, leading to cognitive dissonance. Its analysis makes it possible to understand some mechanisms of mental aggression.

Keywords: native (hidden) advertising; hypertext; manipulation; cognitive dissonance; speech manipulation; speech manipulative tactics; speech manipulative techniques.

АННОТАЦИЯ:

Тема статьи – манипуляция в нативной рекламе. Нативная реклама представляет собой скрытую рекламу, «замаскированную» под контент сайта, на котором она размещена. Скрыть основной рекламный текст позволяет использование гипертекстовых технологий. В фокусе нашего внимания – стартовая часть нативной рекламы на тему «Здоровье», ее анонс, «замаскированный» под краткое информационное сообщение. Анонс представляет собой креолизованный текст, созданный на основе манипулятивной тактики обмана, поскольку его содержание не имеет никакого отношения к размещенной на следующей странице гипертекста основной части рекламного текста. В статье показано, какие еще манипулятивные стратегии, тактики и приемы используются в анонсах рекламных сообщений. Нативная реклама представлена как средство манипуляции сознанием личности, приводящее к когнитивному диссонансу. Анализ подобной рекламы позволяет прояснить механизмы ментальной агрессии.

Ключевые слова: нативная (скрытая) реклама; гипертекст; манипуляция; когнитивный диссонанс; речевая манипуляция; тактики речевой манипуляции, приемы речевой манипуляции

Известный психолог А. Цуладзе понимает под манипуляцией «воздействие на человека (группу людей) с целью побуждения к действиям, противоречащим его (их) собственным интересам» [Цуладзе 2000: 11].

Аналогичное, но несколько более развернутое определение дает Е.Л. Доценко: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 2000: 59]. Многие авторы отмечают еще одно важное свойство манипуляции: ее «мишенью» являются эмоции человека, а не его разум.

Подчеркивается, что «важнейшим орудием воздействия на сознание людей является язык» [Копнина 2010: 23]. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, «внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению» [Кара-Мурза С.Г. 2001: 84].

Речевая / языковая манипуляция представляет собой «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2010: 25]. Автор приводит слова О.Н. Быковой о том, что для манипуляции «характерна замена убеждения внушением, которое достигается благодаря особой подаче основной (концептуальной) информации, созданию эмоционального подтекста высказывания» [Цит. по Копнина 2010: 26].

Понятие «речевая манипуляция» тесно связано с понятием «речевая агрессия», поскольку приемы речевой агрессии могут использоваться в функции манипулятивных. При этом «манипулирование часто не агрессивно по форме, поскольку ориентировано на то, чтобы сам факт воздействия не был замечен адресатом» [Там же: 29]. Функцию манипулятивного воздействия могут выполнять и речевые единицы, служащие «инструментом языкового насилия» [Сковородников 2010: 159].

Особую роль манипуляция играет в рекламе, поскольку функция воздействия, наряду с информативной функцией, является одной из основных функций рекламного дискурса. Реклама должна не только «назвать предмет, выделяя его среди прочих, передать информацию о качествах и месте реализации товара», но и оказать влияние «на поведение людей, их ценности и жизненные установки» [Современный медиатекст 2013: 326].

«Нативная» (от англ. слова *native*; в русском переводе «естественная») реклама появилась как реакция на низкую эффективность рекламы традиционной – баннеров, всплывающих окон, e-mail рассылок и пр. [Нативная реклама. Электронный ресурс]. Формат такой рекламы соответствует площадке (сайту), где она размещена; она «замаскирована» под стандартный материал ресурса, имеет аналогичные объем, форму презентации (креолизированный текст) и ссылку для перехода на следующую

щую страницу (*Подробнее...*). Объектом нашего внимания являются анонсы скрытых рекламных сообщений на тему «Здоровье». Подобные анонсы «маскируются» создателями сайта под краткие информационные сообщения, от которых по ссылке осуществляется переход к вымышленному интервью, под которое, в свою очередь, «замаскирована» основная (целевая) часть рекламного сообщения. Вот пример типичного рекламного текста (сайт news-homes.com; дата последнего обращения – 27.06.2017):

1. [На фото – лицо милостивой девушки]

Анонс (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

В г. Москва аптеки скрывали средство усиливающее тестостерон в 50 раз! Им оказался советский...

Ссылка: *Подробнее...* (переход на сайт liveblogjournal.net)

Рубрика «Специальный корреспондент», статья от 12 мая 2017 г.

Автор – Аркадий Мамонтов

Заголовок: *Аптечный беспредел в Москве. Как наши жадные аптекари скрывали самый продаваемый мужской препарат Европы.*

Текст: *Уже 2 года <...> (предлагается препарат «Сементал»):*

– *сравнение цен «Сементала» и «Виагры»;*

– *интервью с одним из владельцев крупной аптечной сети г. Абрамова Германа Климентовича. И вот, что он ответил. Это уму непостижимо!*

[Фото Абрамова?]

– *Комментарий главного уролога РФ Аляева Юрия Геннадиевича (в действительности заведующий кафедрой урологии Первого МГМУ им. И.М. Сеченова).*

[Фото Аляева?]

Предложение купить препарат через сайт.

Отзывы благодарных покупателей.

Анонсы рекламных сообщений, замаскированных под краткие информационные, перемежаются с опубликованными на сайте реальными новостными сообщениями, сопровождаемыми ссылкой *Читать далее...*, после которой последовательно открываются еще несколько страниц гипертекста:

На северо-западе Турции прогремел взрыв.

Российским педагогам придется проходить аттестацию раз в 4 года.

Кремль констатировал деградацию доверия в отношениях РФ и США.

Исследователи открыли в Австралии 50 новых видов пауков.

Ученые нашли следы жизни на 10 км ниже уровня моря.

На этой же странице сайта можно найти и рекламные объявления без «маскировки»:

2. [На фото – стройная девушка]

Миостимулятор укрепляет мышцы и сжигает лишний жир. Только сегодня цена 990 р.

Широкое распространение нативной рекламы в Интернете связано с тем, что она не вызывает у целевой аудитории такого раздражения, как традиционная, и воспринимается как полезная информация, которую человек подсознательно готов применить на практике [Нативная реклама. Электронный ресурс].

Принципы создания нативной рекламы базируются на гипертекстовых технологиях [Баранов 2001: 31–37], поскольку именно переход на следующую страницу по гиперссылке позволяет скрыть рекламу за анонсом, похожим на краткое информационное сообщение. Гипертекстовые функции используются в качестве дополнительного ресурса управлением познавательной деятельностью читателя [Ениколопов 2014: 306].

Структура рекламного сообщения в электронных СМИ в основном повторяет строение типичного новостного сообщения. Его компонентами являются заголовок, который содержит суть сообщения и выдвинут в наиболее престижную позицию (находится перед основным текстом); интригующий анонс (его функцию может выполнять вводный абзац); затем повествование и заключение. Задача заголовка – «привлечь внимание читателя и сжато передать основное содержание сообщения». Первый абзац, расширяя содержание заголовка, «вводит читателя в суть освещаемого события». А вводный абзац может как содержать исчерпывающую для читателя информацию, так и дать читателю понять, что текст нужной для него информации не содержит [Ениколопов 2014: 306].

Новость в интернет-СМИ «представляет собой функциональный гипертекстовый комплекс, связывающий три элемента: стартовый, форму ссылки (внутритекстовая контент-ссылка) и целевой элемент (собственно новостная заметка)». Стартовый комплекс может включать в себя заголовок и лидер-абзац (лид), выполняющий роль анонса. При публикации новостного сообщения на информационных порталах используется метод пространственного разделения заголовка, анонса и текста. Заголовок вывешивается на специально предназначенной для этого странице в сопровождении иллюстрирующего его изображения, которое может при этом не иметь никакого отношения к теме. К анонсу и далее

к тексту можно перейти последовательно по соответствующим ссылкам, например, *Читать далее*. Количество страниц гипертекста может не ограничиваться двумя, поскольку между анонсом и текстом может быть помещено еще несколько звеньев-предложений, расположенных на отдельных страницах и выполняющих функцию дополнительных заголовков. «Путь» читателя может включать от трех до пяти-шести переходов между сетевыми страницами [Там же].

По словам А. Киклевича, «фрагментация текста <...> не только улучшает его визуальность и читабельность (за счет того, что читатель имеет дело с более короткими частями, которые обрабатываются с более высокой интенсивностью), но и способствуют более эффективному воздействию содержания на адресата» [Kiklewicz 2017: 190].

Особенностью нативной рекламы является отсутствие заголовка, поскольку его функции берет на себя анонс и заголовок становится избыточным элементом. Это соответствует форме презентации контента сайта, позволяет экономить ресурсы, электронное информационное пространство. Кроме того, информационная и манипулятивная емкость анонса значительно больше, чем емкость заголовка.

«Путь» читателя от анонса к основному содержанию замаскированной под интервью рекламы значительно короче: всего один переход по ссылке *Подробнее...* Этого вполне достаточно для «маскировки» основной, целевой части рекламного текста.

С.Н. Ениколопов и его коллеги отмечают, что заголовок часто не соответствует содержанию основной части текста, которая «скрыта» за каскадом ссылок [Ениколопов 2014: 313]. Анонсы (лидер-абзацы), которые мы анализируем, лишены заголовков и также не имеют никакого отношения к содержанию рекламы на следующей странице гипертекста. Примеры:

3. [На фото – женщина, которая протирает шею половинкой лимона]

Главная причина потливости – паразиты в организме! Немедленно начинайте выводить их самым обычным...

Ссылка: *Подробнее...* После перехода на следующую страницу гипертекста мы видим рекламу средства «Токсифорт».

4. [На фото – проросший клубень картофеля]

Папилломы отсохнут с корнем за 9 дней. Без боли. Помажьте их обычной ...

Ссылка: *Подробнее...* Реклама препарата «Папиловир».

5. [На фото – несколько корней хрена]

Найден продукт, кладущий диабет на лопатки за 3 дня. Нужно только правильно его употреблять. Это...

Ссылка: *Подробнее...* Реклама препарата «Голубитокс».

Г.А. Копнина [Копнина 2010: 17] отмечает, что «в психологической литературе отсутствует общепринятая классификация типов манипуляции». Информативным и интересным нам представляется перечень методов психологического давления, предложенный в [Примеры манипуляции в рекламе. Электронный ресурс]. Там приводятся семь основных методов психологического давления, манипуляции сознанием личности, которые можно рассматривать и как манипулятивные стратегии: упор на сокровенные желания и комплексы потребителей; запугивание; создание проблемы и предложение её решения; создание иллюзии доступности различных материальных благ; ссылка на авторитеты; сравнение; ставка на эротику как эксплуатация основного инстинкта. Надо отметить, что манипулятивные возможности анонса очень велики и в нем можно обнаружить все перечисленные выше методы психологического давления на человека.

1. Упор на сокровенные желания и комплексы потребителей.

Обычно здесь эксплуатируются такие базовые человеческие страхи, как боязнь стать неудачником, не найти друзей или вторую половину, быть хуже своих сверстников и вообще не реализоваться как личностно, так и социально. Сюда же можно отнести боязнь заболеть, а также не иметь возможности излечиться от болезни или устранить проблему, связанную со здоровьем и внешним видом. Поэтому большая часть рекламных сообщений имеет отношение к лечению болезней или избавлению от различных сопутствующих проблем. Именно такие сообщения мы анализируем.

2. Запугивание. Этот метод психологического давления особенно эффективен, когда речь идет о продукции, связанной с состоянием здоровья и внешнего вида. Анонсы (лидер-абзацы) рекламных сообщений, «замаскированные» под краткие информационные сообщения, затрагивают те проблемы, которые актуальны для большинства людей, причем не только для представителей старшего поколения: *алкоголизм; псориаз; гипертония; ожирение; варикоз; артрит; диабет; простатит; грибок ногтей; суставы; поясница; печень; сердце; головная боль; боли в суставах; папилломы; бородавки; веснушки; пигментные пятна; морщины; потливость; лишний вес.*

3. Создание проблемы и предложение её решения. Этот метод объединяет два предыдущие. Когда потенциальный потребитель уже окончательно напуган, ему предлагается простой выход из ситуации (*грибок высушивается из ногтей от самого обычного...; аптеки скрывали это копеечное средство от грибка ногтей; жир сжигает обычный...; давление лечится мгновенно, простой рецепт; простое рабочее средство, спасающее от диабета; копеечный рецепт; жир сжигает*

обычный...). Предлагается окончательное и быстрое решение проблемы (*косточки на ноге пройдут мгновенно; буквально за ночь можно избавиться от храпа; псориаз уйдет вмиг; грибок ногтей высохнет до корня; гипертония уйдет навсегда; возрастной жир уйдет навсегда; хронический простатит отступит; печень можно восстановить; алкоголизм можно победить; как спасти печень; избавиться от возрастной полноты; печень обновится; папилломы высохнут без следа; способ навсегда уничтожить псориаз; это убивает диабет навечно*).

4. Создание иллюзии доступности различных материальных благ. В нашем случае речь идет о доступности тех средств или способов излечения болезни, о которых говорится в анонсе. Средство может позиционироваться как легко доступное (простое и недорогое); лечение – как быстрое и исчерпывающее (см. примеры выше). Способ лечения может представляться как доступный и легкий, поскольку он не требует обращения к врачу и его можно применить в домашних условиях (*храп можно вылечить дома; похудеть за неделю в домашних условиях; от папиллом и бородавок просто избавиться даже дома; я вылечила варикоз без дорогих процедур; быстрое похудение без усилий и спортзалов; зрение вернулось без операции и окулиста, лечение суставов без уколов и операций*).

5. Ссылка на авторитеты. Поскольку знания человека об окружающем мире ограничены, он вынужден прислушиваться к мнению более компетентных в той или иной сфере людей. Поэтому реклама и предоставляет слово всевозможным экспертам. Особый интерес представляет вопрос о том, кто же может позиционироваться в качестве эксперта, т.е. источника информации в анонсах рекламных текстов. При этом следует помнить, что на самом деле все эти люди никакого отношения к рекламным текстам не имеют.

В первую очередь, это специалисты в определенной области, в нашем случае – медики, причем иногда называются конкретные имена (*Е. Малышева; В. Дикуль; доктор Бубновский; А. Мясников*) или просто указывается профессия и специализация (*китайский профессор; военврач; молодой военврач; известный врач-онколог*). Иногда наименование звучит неопределенно или совершенно лишено смысла (*главный диетолог страны; главный ортопед Китая; главврач РФ; главврач Белорусии; первая женщина уролог* (орфография источника сохранена), *лучший флеболог; врач №1; диетолог № 1*). Это могут быть также известные авторитетные люди, обычно так называемые «медийные» личности (*А.Р. Соловьев, В.А. Познер, Д. Шепелев, NN (известная всей стране авторитетная личность)*).

Но самым интересным нам представляется еще один способ. В качестве источника информации выступает человек, чей образ жизни мало

знаком массовой аудитории (*хитрые китайцы, 95-летняя долгожительница; 95-летний сибиряк, 95-летний травник, матушка, отец Георгий, отшельница; сибирская отшельница; ВДВшник*). При недостатке информации в действие вступают стереотипы.

В известном психологическом словаре А. Ребера [Ребер 2001: 313] стереотип определяется как конструкт, используемый «для обозначения набора довольно устойчивого, упрощенного обобщения относительно группы или класса людей». Именно стереотипные представления об образе жизни людей позволяют предполагать, что отшельник, житель экзотической страны, долгожительница или человек, получивший специальную подготовку, могут обладать уникальными знаниями в области медицины, хранить ее древние секреты. Ср. анонс одного из рекламных объявлений (пример 6): *Удалось заполучить секретный рецепт лечения суставов без уколов и операций от отшельницы Агафьи.*

6. Сравнение (и сравнительная лексика). В лидер-абзаце рекламного сообщения необходимо показать, что продукт справляется со своей задачей лучше, чем его аналоги. Этой цели служат, в первую очередь, различные эпитеты (*могущественнее природное средство от псориаза; злейшие враги псориаза; главный враг простатита; истинное спасение от высокого давления*).

Сравнение может осуществляться с помощью количественной оценки. Это может быть оценка уровня квалификации специалиста (*врач №1; диетолог №1*), оценка эффективности препарата за счет силы действия (*средство в 37 раз мощнее ботокса; восстанавливает зрение на 200%*) или быстроты действия (*печень можно восстановить за 14 дней; гипертония уйдет за 4 дня; даже возрастной живот уйдет за 10-20 дней; всего за 11 дней у вас будут густые и сильные волосы; боль в суставах и позвоночнике пройдет за 4 дня*).

7. Ставка на эротику как эксплуатация основного и инстинкта. В первую очередь, это связано с тематикой рекламных сообщений. Значительную часть составляют анонсы средств, повышающих потенцию, которые сопровождаются снимками сексуальных молодых женщин. Кроме того, ракурс изображения любых объектов (например, фруктов, овощей) на некоторых фото вызывает телесные ассоциации.

Если говорить о видах манипуляции, то для нашего материала очень характерна **манипуляция образами**. По словам С.Г. Кара-Мурзы, «образы <...> обладают суггесторным значением и порождают цепную реакцию воображения», они обладают высокой эффективностью проникновения в сознание и подсознание [Кара-Мурза С.Г. 2001: 99].

Анонс рекламы всегда сопровождается изображением, фотографией, в комплексе анонс (лидер-абзац) и изображение представляют собой креолизованный текст.

Изображения бывают нескольких типов. Часто это фотография конкретного известного человека, являющегося (вымышленным) источником информации (*доктор Бубновский, В. Дикунь*). Источник может быть назван по профессиональному признаку (*лучший диетолог страны*), тогда анонс может сопровождаться фотографией конкретной широко известной личности (*Маргариты Королевой*), хотя квалификацию «лучшего диетолога страны» ей никто не присваивал. При этом профессиональный признак может быть обобщенным (*молодой военврач*) или вообще неопределенным или бессмысленным (*главный врач РФ, врач № 1*), тогда анонс сопровождается изображением неизвестного человека, снабженного соответствующими атрибутами (в первом случае это военная форма). То же самое происходит, если источником информации является, например, *бабушка из Москвы* или *китайский профессор*. На снимках – неизвестные люди, при этом присутствуют соответствующие номинации специфические признаки: на фото изображается старая женщина и человек в китайской национальной одежде.

Во многих случаях на снимках представлены различные продукты питания и предметы, широко используемые в быту (*сода, горчица, хозяйственное мыло*). Воспринимая креолизованный текст как единое целое, пользователь на основе изображения восстанавливает недостающую информацию из текста, который практически всегда является незаконченным (см. примеры 3, 4, 5). При этом как текстовая часть анонса, так и изображение не имеют никакого отношения к целевой части рекламного сообщения, содержащей рекламу какого-либо препарата, обычно биоактивной добавки. Да и связь изображения с анонсом также неоднозначна. В этом психолог В.П. Шейнов видит манипулятивный характер «картинок», заключающийся в том, что «они, как правило, не имеют никакого отношения к рекламируемому объекту» [Цит. по Копина 2010: 19].

С манипулятивной целью могут использоваться не только визуальные образы, но и другие знаковые системы, например, **числа**. Одним из манипулятивных приемов С.Г. Кара-Мурза называет вставку в текст «бессмысленных» цифр, поскольку сам вид числа оказывает воздействие на сознание [Кара-Мурза С.Г. 2001: 45]. В анонсах рекламных сообщений числа могут использоваться в самых разных целях. Это может быть время, необходимое для излечения от болезни или избавления от проблемы (*бросил курить за 2 дня; сводим грибок за 7 дней; даже глубокие морщины уйдут за 17 дней*); оценка эффективности средства (*в г. Москва найдено средство в 29 раз сильнее и дешевле Виагры; зрение вернется на 98%*) или уровень квалификации врача (*врач № 1; ортопед № 1*). В некоторых случаях числовые показатели связаны также с указанием на количество средства, которое необходимо использовать (*сахар*

в крови всегда будет 4 ммоль / л, возьмите 300 мг...; домашний доктор при лечении суставов: 200 грамм прохладненького...); во всех примерах орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Мы рассмотрели методы психологического давления, используемые в анонсах скрытых рекламных сообщений, и используемые в них виды манипуляции. Что касается стратегий, тактик и приемов речевого манипулирования, то «однотипные речевые феномены манипулятивной природы одни ученые обозначают как стратегии / тактики, другие – как приемы» [Копнина 2010: 46], часто манипулятивные тактики и приемы задаются списком.

Универсальной для анонсов скрытых рекламных сообщений является **тактика обмана** [Там же: 49]. Нет ни одного текста лидер-абзаца, в котором она не была бы использована. Примеры:

7. [На фото – сырой желток на черном фоне]; текст: *Пенсионеры! Весите 90 кг, а будете весить 60, если будете есть на ночь...* (после перехода по ссылке «подробнее...») видим рекламу биодобавки – чая «Чанг-шу».

8. [На фото с надписью «суставная гимнастика» – женщина, выполняющая упражнение]; текст: *Забудь о симптомах артрита навсегда, возьми копеечное...* (после перехода по ссылке «подробнее...») видим рекламу препарата «Артроток»). См. также приведенные выше примеры 3, 4 и 5.

Речевые (риторические) приемы Г.А. Копнина предлагает понимать широко – «как прагматически мотивированные отклонения от нормы в ее широком понимании», что позволяет автору рассматривать «не терминированные ранее речевые явления с точки зрения их воздействующего потенциала» [Копнина 2010: 65].

Обратимся к наиболее типичным речевым (риторическим) приемам, которые могут использоваться в манипулятивных целях в анонсах скрытых рекламных сообщений. В первую очередь, это паралогические риторические приемы. «Наиболее многочисленной является группа приемов, основанная на несоблюдении закона достаточного основания, который гласит: всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана... Достоверным считается суждение в том случае, если на текущий момент не существует возможности его опровержения» [Там же: 67]. Ср. приведенные выше примеры, иллюстрирующие тактику обмана (3, 4, 5, 7, 8).

К манипулятивным риторическим приемам, связанным с нарушением постулата количества и основанным на умолчании информации, относится и такой широко распространенный в анонсах рекламных сообщений прием, как **апосиопеза**, который состоит «в намеренном недоговаривании высказывания, что сопровождается особой интонаци-

ей, а на письме обозначается многоточием» [Там же: 76]. Примеры (пунктуация оригинала сохранена):

9. *Оказывается, диабет «боится» именно этого! Диабет рассосется за 3 суток и навсегда, если...*

10. *Хотите навсегда избавиться от храпа? Выход есть! От этого храп исчезнет навсегда, вот что нужно...*

11. *Военврач г. Москва шокировал. Грибок ногтя военных лечат за 3 дня, едим и густым...*

Сюда же относят и использование **пресуппозиции**, определяемой Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой как особая «разновидность семантического следствия, которое не совпадает с обычным логическим следствием» [Цит. по Копнина 2010: 79]. В отличие от импликатуры, пресуппозиция привязана к языковой форме, а не только к семантическому содержанию высказывания. И если импликатура может аннулироваться, то пресуппозиция неустранима, поскольку она связана с определенной лексемой. Примеры:

12. *Дешевые таблетки работают как ВИАГРА! Запиши название!* (пресуппозиция: ВИАГРА – дорогой препарат);

13. *Чтобы больной сустав не мешал жить – нужно очистить его с помощью...*(пресуппозиция: У вас больной сустав);

14. *После нанесения этой копеечной мази папилломы и бородавки отпадут за 5-6 дней...*(пресуппозиция: У вас есть папилломы и бородавки).

Во всех приведенных примерах из пресуппозиции следует, что болезнь или проблема у человека уже есть, поэтому усиливается мотивация для использования предлагаемого средства.

В манипулятивной функции могут быть использованы и стилистические приемы, например прием **интимизации** повествования – «такого использования языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией» [Там же: 92]. Для этого используются обращения, вопросно-ответные конструкции, риторические вопросы и некоторые другие языковые / речевые средства.

Примеры:

15. *Чазова: «Умоляю, лечите гипертонию, не доводите до возможного инфаркта! Я рекомендую...*

16. *Табаков: «Если верхнее давление 130, то я принимаю...»*

17. *Боли в суставах и спине? Врачи нашли эффективное средство...*

Психолог А.С. Таранов отмечает, что тексты, рассказывающие о чем-нибудь «от себя», способствуют формированию аттракции [Цит. по Копнина 2010: 92].

Один из манипулятивных приемов состоит в том, что потребителю **навязывают определенную оценку** качества, действия и пр. какого-либо продукта.

Е.С. Кара-Мурза подчеркивает, что для рекламного текста характерна гиперэмоциональность / гиперэкспрессивность, гипероценочность. По ее словам, автор рекламного сообщения «прибегает к стилистической экзальтации, преувеличению» [Е.С. Кара-Мурза 2000: 24–27].

Согласно мнению С.Н. Ениколопова и его коллег, для СМИ характерна эмоционализация передаваемой информации с целью дезинформирования и манипуляции: «для того чтобы быть реальным манипулирующим инструментом, средства массовой информации, стремясь сохранить основное качество информативности – содержательную новизну, могут пренебрегать ее прочими критериями – релевантностью и адекватностью, которые подменяются в манипулятивных целях эмотивностью/экспрессивностью» [Ениколопов 2014: 289].

Привлечение внимания читателя осуществляется за счет лексики, обладающей высокой аффективностью. О.С. Иссерс отмечает, что «типичным приемом использования слова в рекламном тексте» является активизация лексики с явной и скрытой оценочностью [Иссерс 2010: 134]. При этом следует учитывать, что «сами по себе слова с эмоционально-оценочной коннотацией не являются манипулятивными. Такими они становятся лишь при употреблении с целью внедрения в сознание адресата определенного (отрицательного или положительного) отношения к элементу действительности» [Копнина 2010: 87].

О скрытой оценочности говорит и Т.М. Николаева, исследуя речевые конструкции, в которых, по ее словам, воздействие на адресата выражается «не прямо «лоб»: *«Работы здесь на полчаса. Но ведь они старики». «Она уже в десять лет прочла всего Тургенева». «У нее высокая температура. Нужно вызвать врача»* [Сковородников 2010: 158]. Особый интерес для нас представляют контекстные оценочные средства, которые также можно отнести к завуалированным.

В анонсах скрытых рекламных сообщений, «замаскированных» под информационные сообщения, используются самые разные оценочные средства. Они задаются самой целью публикации анонса: привлечь внимание читателя к уникальным положительным характеристикам предлагаемого в анонсе средства / способа лечения болезни (который при этом не имеет никакого отношения к продукту, рекламируемому в целевой части сообщения). Главное здесь – «заманить» пользователя вглубь гипертекстовой рекламной страницы. Поэтому оценочные сред-

ства негативного характера встречаются в анонсах значительно реже (*аптечный беспредел, жадные аптекари*).

Оценочные средства носят как открытый (*мощнейшее природное средство, самое сильное средство, лучший флеболог; врач №1*), так и контекстный характер. Контекстная положительная оценка может затрагивать полноту и исчерпывающий характер действия средства (*способ навсегда уничтожить псориаз; это убивает диабет навечно*); характеристику средства / способа лечения болезни (*копеечный рецепт; жир сжигает обычный...*); место лечения болезни (*храп можно вылечить дома*); время лечения болезни (*печень можно восстановить за 14 дней; гипертония уйдет за 4 дня*) и т.д.

В манипулятивной функции, в функции привлечения внимания могут использоваться и **приемы языковой игры**. Как отмечают С.В. Ильясова и Л.П. Амири, «для языка рекламы характерны различные отступления от языковой нормы: графической (а вследствие этого и фонетической), грамматической (морфологической) и лексической. Если отступление от нормы является результатом языковой игры, то оно играет роль «зацепки» и привлекает внимание реципиента путем порождения дополнительных трактовок того или иного рекламного текста» [Ильясова, Амири 2013: 27–28]. По словам авторов, помимо перечисления положительных характеристик товара, услуги или фирмы-производителя и указания на отличительную черту рекламируемого продукта, «в рекламных текстах привлечение внимания может также достигаться за счет нарушения орфографических правил написания слова». Можно добавить, что это касается и правил пунктуации: подобные ошибки очень часто встречаются в рекламных текстах, особенно в целевой их части. Интересно, что большое количество орфографических и пунктуационных ошибок (с которым мы постоянно сталкиваемся и в анонсах, и в целевой части рекламы) в рекламных текстах, по словам авторов, не приводит к их коммуникативной неудаче [Там же: 96–97].

Итак, мы показали, какие методы психологического давления на читателя используются в манипулятивных целях в анонсах (лидер-абзацах) скрытых рекламных сообщений, каковы основные стратегии, тактики и приемы манипуляции, характерные для них.

Подобные тексты психологи считают «патогенными», а в качестве причины патогенности называют «когнитивный диссонанс, возникающий из-за невозможности реализации возникшего при ознакомлении с изолированным заголовком или лидер-абзацем интереса к анонсированному тексту», поскольку основная (целевая) часть рекламного текста содержательно не связана с заголовком. В нашем случае мы наблюдаем это при сравнении содержания основной части рекламного текста и его анонса. Процесс манипуляции сознанием читателя, представляющий

собой «нарушение не только эмоционального равновесия читателя, но и вырабатываемой в ходе его ментального развития и опосредованной языком схемы описания реальности», психологи относят к особому виду агрессии – ментальной агрессии [Ениколопов 2014: 311, 313].

Литература / References

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. 344 с.
3. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 493 с.
4. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2013. 296 с.
5. Иссерс О.С. Текст на упаковке продуктов: когнитивно-прагматический анализ // Г.А. Копнина. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 130–140.
6. Кара-Мурза Е.С. Рекламный стиль и функционально-стилистическая дифференциация современного русского языка // Журналистика в 1999 году: тез. докл. науч.-практ. конф. Ч. 5. М., 2000. С. 24–27.
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2001. 832 с.
8. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
9. Нативная реклама: Основные понятия, примеры, эффективность [Электронный ресурс] URL: <http://fb.ru/article/225739/nativnaya-reklama-osnovnyie-ponyatiya-primeryi-effektivnost> Дата последнего обращения – 03. 05. 2017.
10. Примеры манипуляции в рекламе [Электронный ресурс] URL: Режим доступа: <http://www.konspekty.net/stati/statya-primeryi-manipulyatsii-v-reklame.html> Дата последнего обращения – 05. 02. 2018.
11. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Т. 2. М.: Вече-Аст, 2001. С. 313–314.
12. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Г.А. Копнина. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 158–170.
13. Современный медиатекст / Под ред. Н.А. Кузьминой. М.: Флинта: Наука, 2013. 416 с.
14. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. 336 с.
15. Kikiewicz A. Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах // Przegląd wschodnioeuropejski. Том VIII. Вып. 1. 2017. С. 185–205.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ РУССКОГОВОРЯЩИХ КОРЕЙЦЕВ

С.А. Крейчи, Г.Е. Кедрова

FEATURES OF INTERLANGUAGE INTERFERENCE OF RUSSIAN-SPEAKING
KOREANS

S. A. Kreychi, G. E. Kedrova

ABSTRACT:

The interference of articulatory models of various languages is a significant obstacle for mastering correct foreign language pronunciation. Database of Russian speech, developed in the Laboratory of phonetics and speech communication of philological faculty of Moscow Lomonosov state University includes two of the same type organized parts: correct Russian pronunciation and pronunciation with the accent: samples recorded from native speakers of different languages (reading isolated words and sentences, spontaneous utterances). The variety of positions of articulation required for the formation of sounds, normative for different languages can be represented as the space of cross-language articulatory postures in which these postures can coincide or not coincide in the pronunciation of Russian words, which requires reconstruction of the articulatory bases of the native language to master correct pronunciation in Russian language. The practical use of the created database can be training the foreigners in correct Russian pronunciation and the study of the articulatory patterns of different languages. In this paper we investigated the peculiarities of the articulation of Russian dental tongue stop consonants by native Korean speakers learning Russian language in Moscow Lomonosov state University.

Keywords: interference; articulatory models; correct foreign language pronunciation

АННОТАЦИЯ:

Интерференция артикуляторных моделей различных языков является существенным препятствием для овладения безакцентным иноязычным произношением. База данных звучащей русской речи, разрабатываемая в Лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, включает две однотипно организованные части: орфоэпически правильное произношение и русское произношение с акцентом: образцы, записанные от носителей разных языков мира (чтение изолированных слов и предложений, неподготовленные высказывания). Многообразие позиций органов артикуляции, необходимых для формирования звуков, нормативных для разных языков, можно представить как межъязыковое пространство артикуляторных поз, в котором эти позы могут совпадать или не совпадать при произнесении русских слов, что требует перестройки всей артикуляторной базы родного языка для овладения безакцентным произношением на русском языке. Практическим использованием созданной базы данных может быть обучение иностранцев орфоэпическому русскому произношению, а также изучение артикуляторных моделей различных языков. В работе исследовались особенности арти-

куляции русских переднеязычных смычных согласных звуков носителями корейского языка, изучающими русский язык в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: интерференция; артикуляторная модель; безакцентное иноязычное произношение

База данных звучащей русской речи, разрабатываемая в Лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Кедрова и др. 2014] включает как орфоэпическую часть, так и часть с различными иноязычными явлениями. Основой базы данных звучащей русской речи послужил частотный словарь ритмических структур, предложенный профессором Л.В. Златоустовой [Златоустова 1993].

Звучащий материал записан носителями русского языка с нормативным литературным произношением, а также иностранными студентами филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, изучающими русский язык, и являющимися носителями разных языков, в том числе и корейского.

Интерференция артикуляторных моделей различных языков, которая является существенным препятствием для овладения безакцентным иноязычным произношением, в последнее время постоянно находится в центре внимания лингводидактов, при этом ведущая роль в возникновении интерференционных проявлений отводится именно артикуляторной базе того или иного языка [Колосов 1971]. Изучению особенностей артикуляторной базы разных языков посвящено достаточно много работ, однако полное и системное описание артикуляторных баз разных языков всё еще не составлено. Нам представляется, что существенным вкладом в эту работу должно стать максимально подробное описание интерференционных явлений на всех уровнях фонетической организации речевого высказывания.

При изучении фонетики корейского языка Л.Г. Скалозуб [Скалозуб 1957] было отмечено, что в корейском языке три вида глухих взрывных согласных: напряженные непридыхательные, ненапряженные придыхательные и ненапряженные непридыхательные. Считается, что напряженные непридыхательные – это обычные глухие согласные, которые реализуются без придыхания, а ненапряженные непридыхательные – это обычные звонкие взрывные согласные.

Наблюдения Л.Г. Скалозуб позволяют определить основные условия проявления интерференции в русской речи корейцев при произнесении переднеязычных смычных согласных ([т], [т'], [д], [д'], [н], [н']). Так глухие переднеязычные смычные могут ассимилятивно озвончаться в интервокальной позиции, а также в середине слова перед сонорными (*цветной*) и после сонорных (*ремонт, студент, процент*).

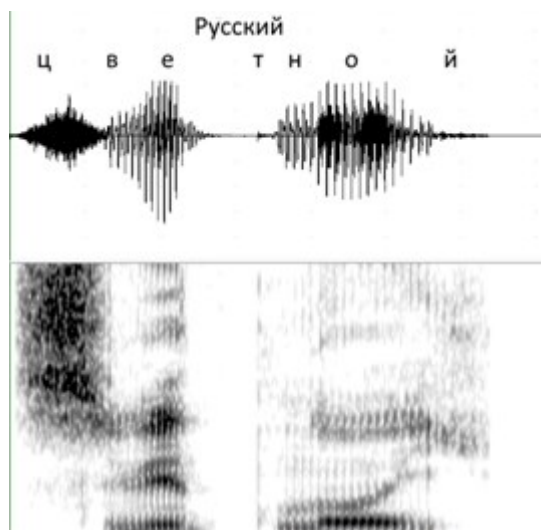

Рис.1а. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «цветной» русским диктором.

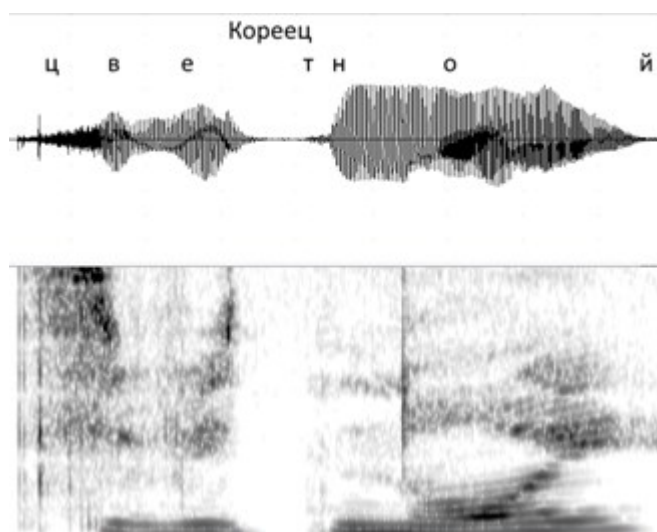

Рис.1б. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «цветной» корейским диктором.

Сопоставление русской и корейской артикуляции звука [т] в слове «цветной» (рис. 1а,б) показывает хорошо выраженную смычку у русского диктора, и «размытую» с формантной структурой прилегающего звука [н] – у корейского.

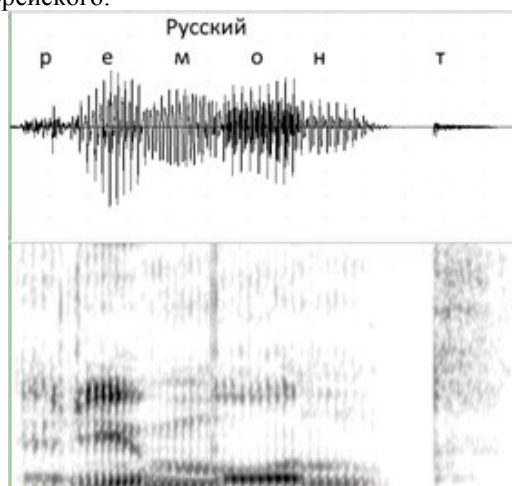

Рис.2а. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «ремонт» русским диктором.

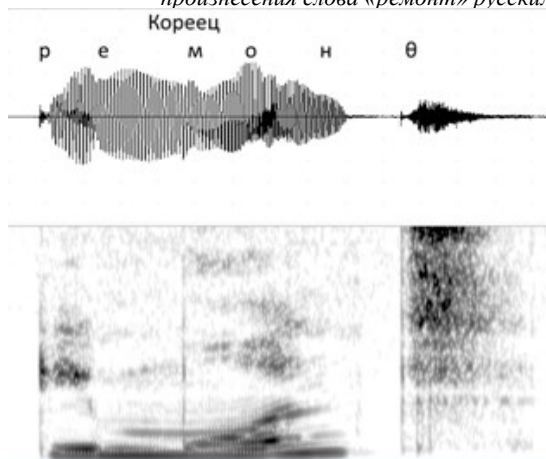

Рис.2б. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «ремонт» корейским диктором

Озвончение корейским диктором глухого переднеязычного смычного [т] в слове «ремонт» наблюдается и после сонорного [н] (рис.2б).

Наиболее близким к русским палатализованным переднеязычным согласным является корейское [ɲ] перед [i] и i-начальным дифтонгоидом. Остальные могут отличаться от русских мягких согласных по напряженности (в корейском языке – более напряженные).

Корейские переднеязычные смычные чаще всего придыхательные, в русской речи корейцев придыхание может быть остаточным явлением.

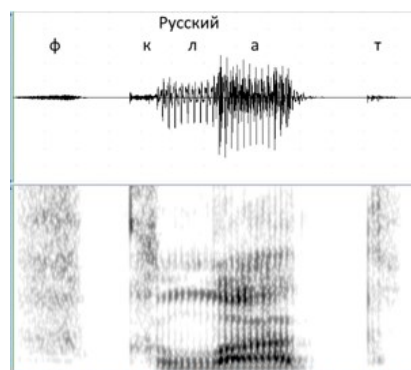

Рис. 3а. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «вклад» русским диктором.

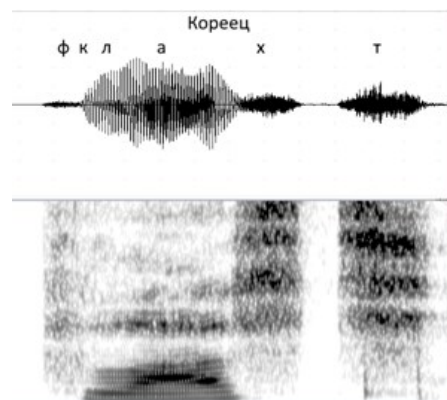

Рис. 3б. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «вклад» корейским диктором.

На рис. 3б хорошо видно, что на конце слова звук [т] произносится с придыханием [х]. Причем, оба звука имеют формантную структуру, что говорит об озвончении. Кроме того, отсутствует фаза взрыва, которая

хорошо видна у русского диктора (рис. 3а). В конце слов и в конце слогов корейские смычные всегда бывают без фазы взрыва. Для русского языка отсутствие взрывной фазы наблюдается только в разговорном стиле произношения.

Заметные интерференционные явления наблюдаются также при произнесении корейцами русских геминат (*отдать*).

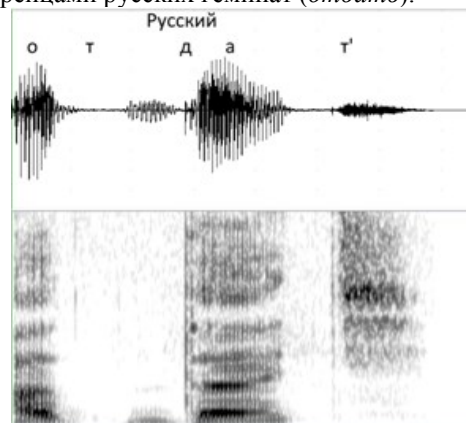

Рис. 4а. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «отдать» русским диктором.

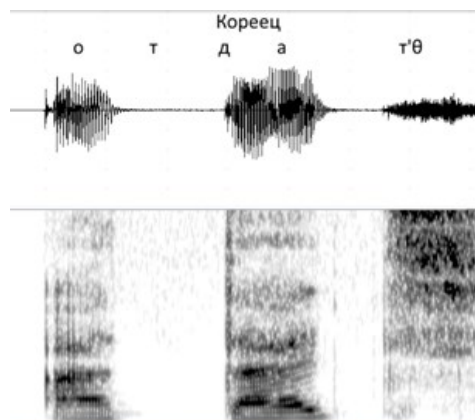

Рис. 4б. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «отдать» корейским диктором.

При произнесении русских геминат носителями русского языка наблюдается задержка размыкания. У носителей корейского языка за-

держка размыкания отсутствует. Отсутствует также фаза взрыва у конечного смычного и наблюдается его озвончение.

Звонкие смычные могут оглушаться в начале слова.

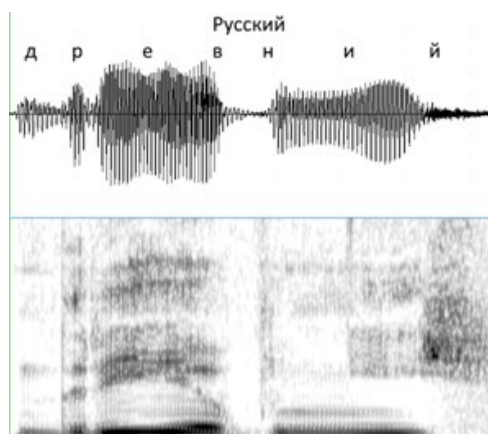

Рис. 5а. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «древний» русским диктором.

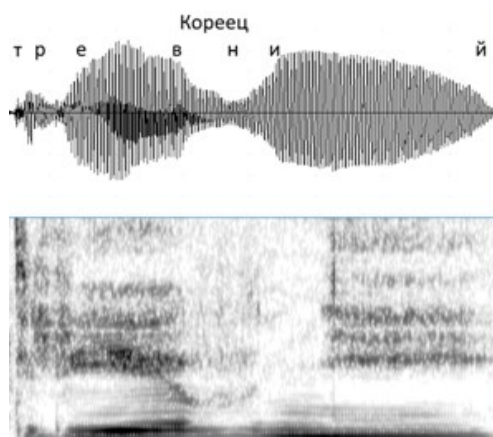

Рис. 5б. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «древний» корейским диктором.

При сопоставлении картин смычного звука [д] в начале слова видно, что у русского диктора он звонкий, а у корейского – глухой.

Кроме перечисленных особенностей межъязыковой интерференции русскоговорящих корейцев, нами наблюдались вставки гласных звуков до и после смычного при стечении согласных (рис. 6).

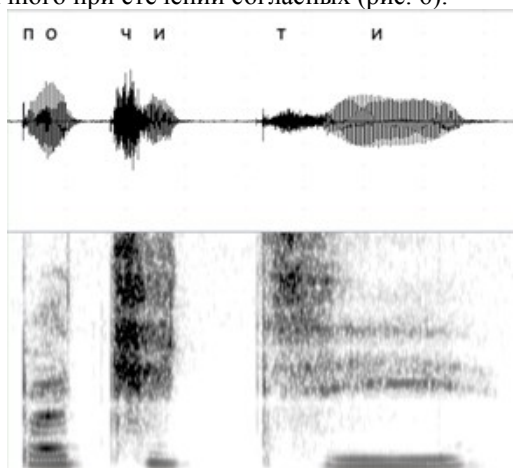

Рис. 6а. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «почти» корейским диктором.

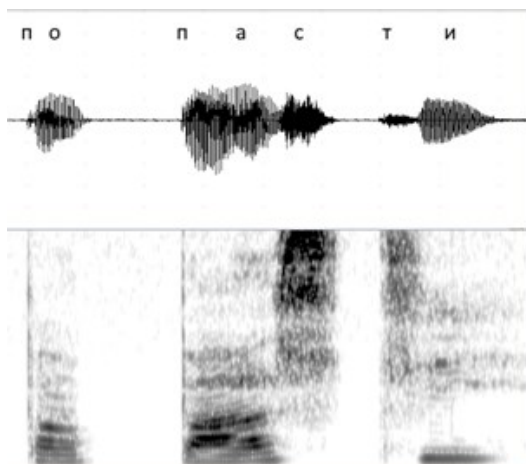

Рис. 6б. Осциллограмма и динамическая спектрограмма произнесения слова «попасть» корейским диктором.

Проведенное исследование подтвердило наблюдения Л.Г. Скалзуб и показало, что межъязыковая интерференция русскоговорящих носите-

лей корейского языка имеет свои особенности, проявляющиеся на сегментном уровне, и связанные с артикуляцией переднеязычных смычных согласных родного языка.

Литература / References

1. *Кедрова Г.Е., Крейчи С.А., Потемкин С.Б., Фролова О.Е., Байрамова Ф.О.* База данных звучащей русской речи как инструмент изучения интерференции артикуляторных моделей различных языков // Труды Всероссийской акустической конференции. 6-10 октября 2014 г. – Москва: РАН, 2014. С. 8-12.
2. *Златоустова Л.В., Вещикова И.А., Омелянова Е.Б.* Компьютерный словарь частотных слов и ритмических структур русской речи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – 1993. – № 5
3. *Колосов К.М.* О роли артикуляторной базы в обучении произношению // Иностранные языки в школе. Вып. 1. – 1971. – № 5 – С. 38-45.
4. *Kedrova G., Borissoff L.* The concept of ‘basis of articulation’ in Russia in the first half of the 20th century // *Historiographia Linguistica*. – 2013. – Vol. 40. – No. 1/2. – P. 151–198.
5. *Скалозуб Л.Г.* Сопоставительное описание согласных современных корейского и русского языков. – Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т.Г.Шевченко, 1957.

DOI 10.29003/M98.LMC2018-59/53-63

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК КОНЦЕПТА¹

В.Г. Кульпина

FIGURATIVE AND SYMBOLIC ELEMENTS OF RUSSIAN LANGUAGE
AS A CONCEPT

Valentina G. Kulpina

ABSTRACT:

The article concerns on symbolic and image part of Russian language consciousness. The problems of foreign language teaching are touched. The purposes of foreign language studies are correlated with the purposes of mother language studies on the contrastive base. Russian language is considered as an aspect of conceptology studies. Partly the material of Polish language is used.

Keywords: language worldview; language consciousness; symbol; image; contrastive analyses; foreign language studies; Russian language; Polish language

АННОТАЦИЯ:

В статье внимание направлено на символическую и образную часть русского языкового сознания. Затрагиваются проблемы преподавания иностранных языков. Цели изучения иностранного языка связываются с целями изучения родного языка на сопоставительной базе. Русский язык рассматривается в качестве аспекта концептологических исследований. Привлекается частично материал польского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира; языковое сознание; символ; образ; сопоставительный анализ; изучение иностранного языка; русский язык; польский язык

Очевидно, что русский язык в нашем гражданском обществе является объединяющим началом. В то же время русский язык обладает широко развитой системой этнолингвистически маркированных образов и

¹ Настоящая статья является переработанной версией статьи «Запечатленная в русском языке и его образной структуре культурная составляющая как сила, цементирующая российское общество», опубликованной в электронном варианте (сейчас практически недоступном) в сборнике по материалам конференции «Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: Материалы Всероссийской научной конференции» (М., 19 марта 2010 г.) / Ред.-изд. группа: Сулакшин С.С. (руководитель) и др.; РАН и др. М.: Научный эксперт, 2010. С. 945–956).

символов, представляющих собой наш вклад в российскую цивилизацию. Эти образы и символы воспринимаются нами – носителями русского языка – как нечто само собой разумеющееся и часто неосознаваемое. Изучая иностранные языки, мы механически переносим наши языковые и культурные представления на другие лингвокультуры, в которых бытуют иные запечатленные в языке стереотипы, рискуя при этом быть непонятыми (см. на эту тему: [Тер-Минасова 2004; Леонтович 2007]). Выявление зон этноязыковой интерференции (то есть возможных зон смешения своего и иностранного и ошибочного наложения сетки понятий родного языка на иноязычную понятийную сеть) позволяет в ходе межъязыковой коммуникации избежать ошибок и горьких разочарований. Рассмотрим некоторые из типичных проявлений представлений россиян о себе и среде своего обитания с точки зрения этнолингвистической релевантности.

Обратимся к образам природных реалий, формирующих облик России. Среди таких реалий – само пространство России, ощущаемое как большое, необъятное, как даль, ширь, приволье, раздолье, размах, родные просторы [Шмелев 2002: 342–366]. Образ широких пространств проецируется на облик населяющих Россию людей – обладающих широтой души [Там же]. Такая самоидентификация наших соотечественников проникает и в другие языковые ареалы. Польский полярник Станислав Ракуса-Суцевский так пишет о встрече с российскими коллегами: «Люди широких пространств, широкая улыбка, милая простота, сердечный прием» [Ракуса-Суцевский 2006: 7]. Человек широкой души, а значит, человек великодушный, добрый, не мелочный – это бытующий в России стереотип и идеал. В связи с этим вспоминается известная у нас песня о Родине: «Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек, / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек».

В языковой картине мира русского языка поля чрезвычайно протяженны, так оно и есть на самом деле. Особенно яркие ассоциации вызывают поля пшеницы, навевающие яркий образ Родины: «У нее коса пшеничная, родниковые глаза» (так пела в песне «Красное солнышко» Людмила Зыкина).

Россия богата и масштабными водными пространствами. Многие из них расположены в суровом климате Арктики – такие пространства вызывают ассоциации с цветами зимы, что зафиксировано в названии *Белое море*. В то же время совершенно очевидно, что море для нас прежде всего *синее*, даже если оно называется *Черным морем*. Как в песне поется, «самое синее в мире Черное море моё...». В других язы-

ковых ареалах море с тем же успехом (и даже бóльшим) может видаться зеленым (например, в польском языковом ареале). Важное место среди других гидронимов, формирующих облик страны, занимает Байкал. Он настолько велик, что в песнях его называют морем: «Славное море, священный Байкал». Байкал – отец (отец Ангары), а Волга – Мать-река, Мать родная. Она как море полноводная, как Родина свободная, ассоциируется с привольным житьем. Мы называем Волгу великой русской рекой – у которой «конца и края нет», она всегда с нами в наших песнях, неделимая часть России не только для ее граждан, но и для людей из других стран. В других странах – другие реки и совсем другие образы формируют облик тех рек.

Обратимся к флористическим древесным символам, неотъемлемой части природной среды россиян. Это самые распространенные на территории России и любимые деревья – береза, рябина. На почве русского языка они создают облик Родины (хотя дубы, осины, ивы, клены, ели, кедры также занимают немаловажное место в этнокультурной картине мира русского языка) (о древесной символике см. подробнее: [Кульпина 1995: 87–92]). Береза (березка, березонька) активно участвует в жизни россиянина – с той далекой поры, как березы на российских пространствах пришли на смену широколистным деревьям. Березам посвящены самые трогательные строки. Они свои, родные, всегда с нами и за нас переживают – как в песне: «Березы, березы, родные березы не спят»). Эмоциональный мир, приписываемый березам, полностью соответствует эмоциональному стереотипу россиянки. В песне, исполняемой Александром Расторгуевым (группа «Любэ») есть строки: «Отчего так в России березы шумят, / Отчего белоствольные всё понимают». Отметим, что в других странах нет ни таких масштабов «расселенности» берез на территории страны, ни такой степени ее олицетворения с самыми прекрасными женскими образами – идеалом красоты и женской заботливости. Береза питает людей своими соками, поэтому ее облик сливается с обликом Родины, Родины-Матери, как в известной песне: «И Родина с детства поила меня березовым соком, березовым соком». Она предстает в женском, чаще – в девичьем облике. Название этого дерева часто выступает с определением *белая*, и это не просто цветовой маркер, но и постоянный эпитет, символ красоты и чистоты. У берез развито «стадное» чувство – они «гуляют компаниями», веселой девичьей стайкой. Отсюда в русском языке они часто имеют облик подружек, сестричек. Березы являют миру причудливые формы – кажется, что они в движении – одни наклонились, другие пригнулись, третьи, отки-

нущись, кружатся в девичьем хороводе или шепчут друг другу на ушко тайны березовой рощи. В березовом лесу всегда светло.

Облик рябины (рябинушки), чаще уже с плодами, также вызывает яркое эстетическое и этническое чувство. Рябина (например, у Цветаевой) – неотъемлемый элемент облика России (в том числе и цветовой, на основе которого в русском языке сформировался особый термин цвета – *рябиновый*).

Среди цветочных флористических реалий назовем прежде всего васильки и ромашки: в картине мира русского языка они главные, они часть этноязыковой картины мира. Образ василька прочно обосновался в русском языковом сознании, он основа изысканных сравнений и точка отсчета на оценочной шкале: это эталон красивого насыщенного синего цвета, который нам дорог и люб (см.: [Кульпина 2008: 312–328]). Хотя никто никогда не встречал глаз такого яркого синего цвета, но если мы употребим сравнение *глаза как васильки*, такие глаза со всей очевидностью сами по себе становятся чрезвычайно красивы в наших глазах, в нашей оценке. Василек стал основой для образования термина цвета *васильковый*, что свидетельствует об особом положении этого цветка в языковой картине мира русского языка.

Ромашка в наших краях со всей очевидностью – любимый цветок. У нас в стране выращивается и продается множество цветов, которые мы можем назвать ромашкой. Их изображениями пестрят открытки. С таким пиетизмом мы не относимся ни к пионам, ни к георгинам, ни даже к розам. Стереотипом ромашки в русском языке является в первую очередь *белая ромашка* (с белыми лепестками). Эпитет *белая* прямо-таки «приклеен» в русском языке к облику этого любимого цветка. Сюжет «перевоплощений» девушки в ромашку весьма частотен в песенном творчестве: «Белая, несмелая ромашка полевая», и в другой песне: «Русая девушка в кофточке белой, / Где ты, ромашка моя, / Где ты, откликнись...». Образ ромашки сопряжен с обликом Родины: «Гляжу в озера синие, в садах ромашки рву, / Зову тебя Россиною, единственной зову». Луг в ромашках также вызывает ассоциации с обликом родных краев – как в есенинском стихотворении: «Снова выплыли годы из мрака и шумят, как ромашковый луг». Другие народы не относятся к ромашке так трепетно. Голландия, как известно, предпочитает тюльпаны. А для многих этносов *ромашка* – это лекарственное растение (не более того). По-польски, например, этот цветок называется *rumianek* (то есть *румяный* – в польском языковом ареале важно, что у этого растения румяная серединка и что это важный лекарственный цветок. При всем уважении к ромашке таких чувств к этому цветку, как у нас в России, в Польше не

испытывают. А у нас про ромашку слагают песни, считают цветком любви (потому что по ней можно гадать практически со стопроцентной надежностью, что он/она любит, ведь количество лепестков у нее, как правило, нечетное).

В наших цветовых пристрастиях мы далеко отходим от онтологии цвета (см: [Кульпина 2001]), и уж, конечно, не измеряем его длиной волны (это дело физиков). Нам дорог *цветик-семицветик*, хотя мы доподлинно не знаем, как он выглядит, и не только «в цвете». Это и неважно, потому что симпатии к нему – в сфере родного языка и формируемых им эмоций; сердцу дороги и *аленький цветочек* и *лазоревый цветочек*, пришедшие к нам из народных сказок.

Частью цветовой картины мира русского языка является российский флаг. Его символика – предмет многочисленных интерпретаций. Он чистый, ясный, честный и искренний – как чисты, ясны и искренни его цвета. В нем васильки и свет небес, в нем белые снега нашей зимы, которая делает окружающий мир чистым и белым, в нем алая заря и все алые цветы нашей Родины. Он как летающая на ветру птица, вздымающая крылья (об интерпретации символики российского триколора (см. подробнее: [Пчелов 2002]). В российской цветовой картине «карьеру» сделали именно синие цветы: васильки, колокольчики, незабудки. Особенно много стихов с упоминанием незабудок «расцвело» во время войны – как символ памяти о солдате, ушедшем на фронт. Вот хотя бы любимый всеми поколениями «Синий платочек»: «Помню день нашей разлуки, / Ты принесла мне к реке / С лаской прощальной горсть незабудок / В шелковом синем платке». Нашей национальной гордостью являются *голубые ели* (ели с голубоватым оттенком). Вряд ли где-то еще в мире увидишь синие (конечно, искусственные) новогодние елки – а на Новый год они у нас расцветают в больших количествах. Если уж не сами елки синие, то на них непременно висят синие шары, синий дождик, голубые снежинки, а верхушку венчает синяя звезда. Ёлки же около западных магазинов – зеленые, как и положено елкам, с красными, золотистыми, фиолетовыми и др. шарами. Русский язык действительно склонен к синему/голубому цвету и способен многие сущности «окрашивать» в этот цвет. Для нас не редкость сочетания *синие сугробы*, *синие вечера* и *синие ночи*. А вот Олег Газманов в своей песне «Белый снег» поет: «Мне хочется белого снега, морозного синего дня, Чтоб кони лихие с разбега в поля уносили меня». Всем хочется *морозного синего дня*, когда снега сияют в ярком солнце, а небо синее-синее. При этом в ночи нам светят *синие звезды* / *синяя звезда*. В этом наша специфика – наделять синевой разные сущности и наша ценность.

В «Слове о полку Игореве», великом древнерусском памятнике, мы найдем *сини молнии* (о символике синего цвета в древнерусском языке см.: [Кульпина 2007: 126–184]). Этот образ многократно повторяется в литературе на русском языке (например, у Тютчева). О том, что приведенные выше сочетания – специфика именно русской языковой картины мира свидетельствуют данные других языков, в которых начисто отсутствуют и синие сугробы, и синий/голубой снег, синие вечера и ночи, синие молнии и еще много всего такого, чему мы склонны приписывать синюю/голубую окраску. Да и синие глаза под другими звездами не кажутся столь синими, и их красота отнюдь не бесспорна для представителей других языковых ареалов, где они могут просто напугать человека (в основном чисто словесно). Итальянцам симпатичны *горчичные глаза* (это особый оттенок карих глаз, мы таких и не видывали), поляки восхищаются красотой фиалковых глаз (*fiolkowe oczy*) (фиалками глаза могут цвести только у очень молодых очаровательных девушек, для нас же образ фиалковых глаз чужд как таковой), но красивее всего в польском языке – зеленые глаза (*zielone oczy*), они принадлежность очень хороших и правильных людей. Зеленые глаза не вызывают у россиян сколько-нибудь яркого эстетического чувства; они не связываются с высокой нравственной оценкой, ведь в нашей художественной литературе такими глазами могут обладать колдуньи (об этноязыковых приоритетах см. подробнее: [Кульпина 2001]).

Цветовые символы – как пароль, о существовании которого мы не знаем, но тем не менее безошибочно даем на него отзыв. В других странах функционируют другие символы, другая гармония красок и звуков, другая эстетика, соответственно, в зависимости от их значимости устанавливается иерархия их речевой употребительности и цитируемости.

Звуковая картина мира русского языка имеет много составляющих. Где-то в дальних краях поют райские птицы и не каркают вороны. Но эти птицы – чужие, у нас нет слов, чтобы передать их пение, зато мы можем словами передать звуки, издаваемые птицами наших краев: чириканье воробьев, карканье ворон, теньканье синицы, курлыканье журавлей. Хотя, может, не всем доводилось слышать «вживую», как курлычат журавли, но словесный образ этих звуков зафиксирован в нашем языке, а потому они – часть звуковой картины мира носителя русского языка, вызывающей у нас живой отклик. Унаследованная от тех самых времен звуковая картина войны, запечатленная отечественными кинофильмами, книгами о войне – это тоже часть картины мира русского языка. Мы «помним», хотя нас при этом не было, как гудела земля во время битвы на Курской дуге. Звуковая картина войны пере-

кликается и смыкается с ее цветосветовой картиной (свинцовая метель снарядов и свинцовое небо, когда «только пути свистят по степи» и «тускло звезды мерцают») (см.: [Кульпина, Татаринцов 2016: 52–76]).

В качестве примера различий в этноязыковых стереотипах обратимся к «весенней» символике. Квинтэссенцией весны в нашей культуре является апрель (в стихах о приходе весны о нем написано больше всего. К тому же ему присуща функция пробуждения чувств (ср: «Мама, мама, это я дежурный по апрелю, по апрелю» у Окуджавы). В других странах воплощением весны может быть май, а май пробуждает в поэзии уже другие художественные импульсы и образы, чем апрель.

Символы, заключенные в русском языке, нередко в его древнейших слоях, вызывающие романтическое и эстетическое чувство, представляют собой ключ к эмоциональной картине мира россиянина, эмоциональный отклик на стимулы, сформировавшиеся еще в детстве при чтении напечатанных крупными буквами с картинками книжек-«раскладушек». С них начинается познание мира, картина которого формируется из готовых «кубиков» – элементов, предоставляемых нам нашим родным языком.

Антропонимическая составляющая – это тоже ключ к этноязыковой картине мира. Частью картины мира россиян является ресурс имен известных соотечественников. Как и в любой другой стране, в России есть целый пантеон таких значимых имен. Они всем знакомы: Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович стерегут Светозарную Русь. Нам дороги Петр I, Александр Невский, Лев Толстой, Юрий Гагарин, Пушкин, Кутузов, Менделеев, Есенин, Аркадий Райкин, Владимир Высоцкий и многие другие. Значимы и ласкают слух россиянина и просто имена людей в их бесконечных вариациях: Саня, Алёнка, Ириша, Анюта, Алик, Лёха, Гарик, Маша, Димка, Вадик, Витюша, Игорек, Танюша. Это тоже вкрапления в картину русского языка, часть ее эмоционального субстрата, ресурсы нежности, задевающие тонкие струны нашей души. В других странах тепло на сердце становится от других имен, которые нужно знать – чтобы в них не запутаться, и понимать, какое место они занимают в этноязыковой картине мира данного языка и говорящего на нем народа.

Есть у нас целый ряд произведений, в том числе и нетленный фонд кинофильмов, из которого мы постоянно черпаем импульсы и по которым сверяем жизнь. Среди них, к примеру, «Семнадцать мгновений весны», «Москва слезам не верит», «Белое солнце пустыни», «Белорусский вокзал», «Калина красная», «Судьба человека».

Наш российский юмор строится на знакомых с детства символах и ассоциациях, великом множестве застревающих на веки в голове фрагментов, начиная с песенки типа «Жил-был у бабушки серенький козлик», формирующих основу этого юмора, понятного в России (да и за ее пределами) всем, кто говорит на русском языке. Среди них названия и тексты любимых произведений, кинофильмов: «Операция Ы», «Кавказская пленница», «Служебный роман»...

Большое нередко складывается из малого – так и большая любовь к Родине формируется из малых частичек, из них же складывается общая неповторимая картина российского мира, запечатленная в языке. Мы любим эти образы и понятия на интуитивном уровне, впитав их, что называется, с молоком матери. В то же время у этих символов есть источник, порой весьма древний; их российская специфика является цивилизационной ценностью и носит цементирующий общество характер. Осознавая символы и стереотипы своей страны, при изучении иностранного языка путем сопоставления мы можем выявить их отличия от символов и стереотипов, имеющих хождение под другими широтами.

Маяковский писал: «Начинается земля, как известно, от Кремля». Разве для нас может быть что-то естественнее этих строк? Но если мы переведем их на другие языки, лишив эти строки нашей любви к московскому Кремлю, избавив их от рифмы и оставив голое содержание, то у нас получится нечто вроде *«Как известно, началом земли является Кремль». Что о нас при этом подумают? Обязательно припишут нам национальный солипсизм, хотя на то, чтобы быть пупом всей планеты мы и не претендуем. Тонкая это вещь – сопоставительный анализ и перевод.

Чтобы уметь выявить этнопriorитеты и ознакомить с ними учебную аудиторию, преподаватель родного или иностранного языка, конечно же, и мы это знаем, должен обладать соответствующим уровнем компетенции, иметь лингвокультурную подготовку, пройти путь получения ученых степеней и другие ступени повышения квалификации.

Изучение мифологического и символического слоя родного и иностранного языков в учебном процессе вполне ложится в «программу» и достойно экспликации. Среди институциональных моментов, направленных на совершенствование учебного процесса по иностранным языкам, стоит обратить внимание на широкое развитие словарного дела как этнокультурно и лингвокультурно направленной отрасли. В учебном процессе по иностранному языку обязательно должны присутствовать учебники, написанные отечественными преподавателями (или наряду с зарубежными учебниками, или в качестве главного источника знаний).

Они изначально должны носить осознанно сопоставительный характер. Изучая иностранный язык, можно изучать и родную страну, систему ее образной символики на фоне образов и символов других стран и народов. Ведь сравнение и сопоставление являются теми процедурами, благодаря которым рождаются новые смыслы и новое знание, а даже, может, новое качества труда и жизни российских граждан. Это новое качество обязательно должно иметь лингвистическое обеспечение, так как в сфере языка порождается и уже запечатлено навсегда большое число смыслов, исключительно важных для нас, без которых наша жизнь уже просто немыслима.

Сопоставительный характер обучения иностранным языкам диктуется самой жизнью. Для того чтобы сопоставление было эффективным, основные стереотипы нашего этноязыкового сознания должны быть выявлены. Много в этом плане сделано концептологами (см., например: [Бартминьский 2005; Воркачев 2004; Карасик 2013; Молчанова 2014; Павловская 2009; Степанов 2002; Тер-Минасова 2004; Толстая 2014]).

Перенесение этих стереотипов со страниц научных монографий в лингводидактику есть насущная необходимость.

Если рассматривать представленный в статье материал с точки зрения концептологических исследований, то концепт русский язык вбирает в себя не только лингвистическую составляющую, но и в немалой мере дидактическую и в какой-то мере сопоставительную с другими языками, в которых всё «так да не так». Концепт как таковой неоднороден по своей природе. С.Г. Воркачев обращает внимание на его парадигматический характер: «Концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев 2004: 36]. В.И. Карасик полагает, что «аксиоматика лингвоконцептологии состоит в признании концепта ментальным образованием, имеющим множественные несводимые друг другу измерения, отражающим интерпретируемый мир и находящимся в системных динамических связях с однопорядковыми и разнопорядковыми языковыми образованиями» [Карасик 2013: 93–94]. Именно отметим, что концепт состоит как из однопорядковых, так и разнопорядковых языковых образований. И далее: «К числу базовых научных презумпций лингвоконцептологии относятся также положения о несводимости концепта к его имени или к значению слова, о возможности существования концептов, не имеющих универсального обозначения, о

транслируемости концептов в другие лингвокультуры и другие области функционирования в рамках той же лингвокультуры» [Там же: 94].

При рассмотрении концепта русский язык лингводидактика как раз и является такой привходящей областью лингвокультуры. Представляется, что целесообразно в рамках совершенствования учебного процесса по родному и иностранным языкам создать благоприятную почву для восприятия как своих, так и иноязыковых и инокультурных стереотипов с целью их лингводидактической обработки и внедрения в учебные материалы.

Учебники по иностранным языкам со всей очевидностью более эффективны, если они направлены на определенный отраслевой контингент учащихся – ведь они тоже должны вносить свой вклад в формирование специалиста – в чем кровно заинтересовано российское общество. Наряду с терминологической, отраслевой составляющей, в них может пульсировать символический и образно-метафорический слой как иностранного, так и родного языка. Это обогатит обучение, сделает учебный процесс более интересным, целенаправленным и проблемно ориентированным.

Развитие этнолингвистической компетентности на всем российском пространстве предполагает внедрение в учебный процесс на постоянной основе сопоставление родного и иностранного языков как необходимой технологии обучения, предопределяющей его успешность.

Литература / References

1. *Бартмицкий Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике / Перевод с польского. М.: Индрик, 2005. 528 с. (Традиционная духовная культура славян. За рубежомная славистика).
2. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
3. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. Москва: Гнозис, 2013. 320 с.
4. *Кульпина В.Г.* «Белая береза, я люблю тебя» (Любимые деревья славянских народов) // Русский Филологический Вестник. М.: Московский Лицей, 1995. Т. 80, № 2. С. 87–93.
5. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 460 с.
6. *Кульпина В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках / А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.
7. *Кульпина В.Г.* Презентация в лингводидактике цветовых стереотипов как социоментальных категорий // Язык. Культура. Общение: Сб. науч. трудов в честь юбилея засл. проф. МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой / Отв. ред. Г.Г. Молчанова. М.: Гнозис, 2008. С. 312–328.
8. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А., 2016,* О концепт-образующих функциях звуковых и цветосветовых номинаций в военной поэзии и прозе, [w:] Вестник Московского университета, Серия 22, Теория перевода, № 2, с. 52–76.

9. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 208 с.
10. *Павловская А.В.* Русский мир: характер, быт и нравы: в 2 т. М.: Слово/Slovo, 2009. Т. 1. 592 с., Т. 2. 544 с.; ил.
11. *Пчелов Е.В.* Государственные символы России – герб, флаг, гимн. М.: Русское слово, 2002. 136 с.; ил.
12. *Ракуса-Суцевски Ст.* На краю морских льдов: Антарктические дневники / Перевод с польского В.Г. Кульпиной. М.: Энергия, 2006. 307 с.
13. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
14. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета. 2004. 352 с.
15. *Толстая С.М.* Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
16. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с. (Язык. Семиотика Культура).

ОБ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ СОВРЕМЕННЫМ ЧЕШСКИМ ЯЗЫКОМ

О.И. Черчук

TO THE ADAPTATION OF BORROWINGS IN MODERN CZECH

Olga I. Cherchuk

ABSTRACT:

The paper deals with the adaptation of some newest borrowings in present day Czech. The electronic archive Neomat and the Czech National Corpus is used.

Keywords: Czech language; borrowings; neologisms; corpus analysis; adaptation

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу адаптации некоторых современных заимствований в чешском языке. Исследование новых слов проводится с помощью чешской базы данных Neomat и Чешского национального корпуса.

Ключевые слова: чешский язык; заимствования; неологизмы; корпусные исследования; адаптация

*Ještě jsem nebyl „in“, a už jsem retro
(Из песни чешского исполнителя Xindl X «V blbým věku»)*

Глобальная тенденция интернационализации, затронув многие современные языки, не обошла стороной и славянские. Объём заимствованных слов из разных языков всё больше расширяется. Непроходящая, обладающая «лавинообразным характером» мода на заимствованные элементы и лексемы в начале 2010-х годов только усилилась, вызвав широкий лингвистический интерес, см. [Лешкова 2009].

Несомненно, задача языка-рецептора – приспособить новые слова, превратить чужое в своё. Вопрос об адаптации заимствований в чешском языке нередко затрагивается лингвистами разных стран, см. [Dickins 2011], [Svobodová 2007], [Mravínacová 2005], [Хорольцева 2014]. При этом он до сих пор не теряет актуальности, так как с каждым днём появляется новый материал для исследований.

Процесс заимствования в чешском языке (чаще всего из английского) в данный момент можно охарактеризовать мощнейшим и беспрецедентным. Печатные словари не всегда успевают зафиксировать небывалое количество новой лексики. Однако появилась возможность немедленного анализа заимствованных слов благодаря «корпусной револю-

ции» [Изотов 2013] – развитию электронных корпусов и крупных баз данных. Кроме того, многочисленные контексты употребления заданной в корпусе лексемы помогают определить, какие неологизмы функционируют и сейчас, а какие уже успели потерять свою популярность.

Несомненным помощником каждого лингвиста, занимающегося процессами заимствования, являются две части словаря неологизмов *Nová slova v češtině* под руководством О. Мартинцовой, см. [Martincová 1998], [Martincová 2004]. Несмотря на то, что словари составлены по лексическому материалу конца 90-х – начала 2000-х годов, термины и понятия, вошедшие в его состав, до сих пор актуальны и способны функционировать в XXI столетии. Тем не менее примеры, которые будут разобраны в данной статье, были эксцерпированы из состава Чешского национального корпуса SYN общим объемом 4,5 млрд слов и из состава базы данных Neomat, версия 3.0, объем которой на сегодняшний день (февраль 2018 года) составляет 325 206 токенов.

Рассмотрим, как ведут себя некоторые современные заимствования из сферы интернет-коммуникаций, и проанализируем особенности их адаптации в чешском языке. В данной статье мы не ставим задачу проанализировать процесс заимствования со всех ракурсов, но стремимся при помощи отдельных примеров наметить пути дальнейшего исследования.

Слово *selfie* (автопортретная фотография) – стало словом 2013 года¹, с отрывом опередив многие другие заимствования: как утверждают редакторы Оксфордского словаря, его появление в текстах за 2013 год выросло на 17000 процентов по сравнению с предыдущим годом. Данная лексема является аналитизмом – лексемой, грамматическое выражение которой выражается с помощью вспомогательных слов и средствами контекста, см. [Ярцева 1990]. Следует отметить, что для чешского языка такие лексемы являются скорее исключением, чем нормой. Адаптацию заимствованных языковых единиц в чешском языке можно назвать стремительной – он обладает высокой степенью деривационной стандартизации, которая почти всегда позволяет слову «прижиться» в языке, см. [Васильева 2014].

Слово *selfie*, являясь аналитизмом, может быть в предложении как существительным, так прилагательным:

- *Прилагательное: Andrej Babiš obohatil internetové servery selfie fotografií... [Neomat: Týden, 2014]*
Андрей Бабиш обогатил интернет-серверы селфи-фотографией.

¹ Слово года. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2013>

- *Существительное: Dnešní moderní selfie se tak zrodil v roce 2010. [Neomat: Respekt 2013]*
Современное селфи появилось в 2010 году.

Высочайшая степень деривационной стандартизации проявляется в неологизмах, произошедших от слова *selfie*, которое послужило основой для словообразовательных цепочек. Приводим неполный список, эксцерпированный из базы данных Neomat: *selfičkář, selfičkářka, selfičkařeni, selfičko, selfičkovat, selfičkovat se, selfičkový, selfiemaniak, selfiephone, selfiepošuk, selfina, selfinka, selfinkovat, selfista, selfit se, selfitida* и др.

Следует отметить, что графический облик слова *selfie* (*selfie/selfi*) до сих пор колеблется: возможно, это связано с недавним появлением и широким повсеместным употреблением слова, из-за чего графический облик еще не успел стабилизироваться. Но можно заметить, что форма *selfie* употребляется в составе сложных слов, а форма *selfi* в однокоренных.

Не стабилизировалась графическая форма образованного от заимствования *google* (название поисковой системы) глагола *googlovat*. В контекстах базы данных Neomat и корпуса SYN встречаются формы *googlovat/googlit, gúglovat/gúglit, gúglovat/gúglit*. Чешские правила определяют написание значка *ú* в словах иностранного происхождения с долгим звуком [y], но расхождения в правописании наблюдаются во всех дериватах заимствования: *gúgl, gúgl, gúglení, gúglit, gúglit, gúglovat, gúglovat*. Еще больше словообразований находим с исконным английским корнем *google*:

- существительные: *googlačka, googleauto, googler* (с неизменным чередованием г/ř в именительном падеже множественного числа: *googleři*), *googležurnalistika, googlista* (*ista* – еще один чешский формант для образования существительного мужского рода), *googlování*;
- глаголы: *googlit, googleplusovat, googlovat*, возвратная форма с компонентом *se*: *googlovat se*;
- прилагательные: *googlovaný, googlovský*.

На всех языковых уровнях приспособилось к чешскому языку и заимствованное слово *lajk* (от англ. *like*) – выражение одобрения пользователем к какой-либо записи в социальной сети. Разнообразные дериваты (*lajčík, lajčiček, lajkanec, lajker, lajkerka, lajknout, lajknutí, lajknutý, lajkolog, lajkovací, lajkování, lajkovat/olajkovat*) еще раз подтверждают словообразовательную активность чешского языка. В процессе адаптации участвуют как исконные чешские форманты, так и заимствованные. Например, формант *er* (*lajker*) характерен для английского языка, но в

следующем же примере (*lajkerka*) этот формант находится рядом с исконным суффиксом образования пары женского рода *k*. Почти во всех остальных примерах для словообразования используются чешские форманты: суффиксы *nou*, *ík*, *ek*; префикс *o* и др.

Следует отметить обилие деминутивов в словообразовательных цепочках, что является характерным для чешского языка: (*friendíček*, *lajčíček* и др.).

Заимствование слов представляет собой не только формальную адаптацию, но и образование лексем средствами родного языка согласно иноязычной модели, то есть образование калек (чеш. *kalkování*), мотивированных с точки зрения языка-реципиента единиц, в которых влияние иностранного языка является косвенным. Таким образом образовался неологизм *osrdíčkovat/osrdit*. От перевода английского слова *like* получилась следующая цепочка появления новой лексемы: *like – lajk – lajkovat – osrdíčkovat*. С помощью простого запроса этих лексических единиц в корпусе SYN и базе данных Neomat мы определили, что калька *osrdíčkovat/osrdit* встречается гораздо реже, чем адаптация заимствованного слова.

- *Průzkumy <...> ukazují, že lidé v průběhu času lajkují čím dál víc. [Neomat: Reflex, 2012]*
- *Исследования показывают, что люди с течением времени всё чаще ставят лайки.*

Популярным стал и образованный на основе заимствования антоним к слову *lajkovat*: *hejtovat* – ненавидеть, не переносить, проявлять негативное отношение к чему-либо (от англ. *hate* – ‘ненависть’, *to hate* – ‘ненавидеть’). Деривационные преобразования заимствования лексемы *hejt* традиционны: существительные *hejt*, *hejter* или *hejtr* (с традиционным чередованием в образовании именительного падежа множественного числа *r/ř*: *hejtři*), *hejtování*, прилагательное *hejtovací*, глагол *hejtovat*.

Несомненно, большинство неологизмов, представленных в данной статье, появились из-за необходимости обозначить новые предметы и реалии. В связи с этим новые слова часто являются стилистически маркированными. Однако следует отметить, что новая лексика появляется в текстах разных функциональных стилей.

Время покажет, как поведут себя неологизмы цифровой эры, смогут ли они удержаться в потоке ежедневных лингвистических изменений, а главное – получат ли они почетное место в словаре литературного языка.

В объёме небольшой статьи сложно проследить все особенности адаптации и функционирования заимствованных слов. Однако разобранные примеры с уверенностью подтверждают высокую степень де-

ривационной стандартизации чешского языка, сохранение внутриязыковой системы. В дальнейших исследованиях мы ставим задачу сопоставительного исследования новой лексики чешского языка на фоне русского языка, который тоже характеризуется активными словообразовательными процессами.

Литература / References

1. Белоусова В.В. Bobík, manažer, džípař... , или Co je pového? (заметки на полях чешского словаря неологизмов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 32-36.
2. Васильева В.Ф. Чешский язык. – М.: Дикси Пресс, 2014. – С. 156.
3. Изотов А.И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-1. – С. 68-71.
4. Лешкова О.О. «Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 135-145.
5. Хорольцева В.С. Англицизмы в русском и чешском языках: сферы проникновения и способы адаптации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Выпуск 2 (140). – 2014. – С. 107-112.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990.
7. Dickins T. Attitudes to Lexical Borrowing in the Czech Republic. – Liberec: Nakladatelství Bor, 2009.
8. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů / Kolektiv autorů pod vedením Olgy Martinové. – Praha: Academia, 1998.
9. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2 / Kolektiv autorů pod vedením Olgy Martinové. – Praha: Academia, 2004.
10. Mravinacová J. Přejímání cizích lexémů // Neologismy v dnešní češtině / Kolektiv autorů pod vedením Olgy Martinové. – Praha: Akademie věd České republiky, 2005. – 187-211 s.
11. Svobodová D. Internacionalizace současné české slovní zásoby. – Ostrava: PdF OU, 2007. – 142 s.

Электронные ресурсы / Electronic resources

1. Слово года. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2013> Дата последнего обращения 12.02.2018
2. База данных неологизмов чешского языка Neomat. URL: <http://www.neologismy.cz/index.php> Дата последнего обращения 12.02.18
3. Чешский национальный корпус. URL: https://kontext.korpus.cz/first_form Дата последнего обращения 12.02.2018

СИМФОНИЯ СВЕТА И ПРЕЛЮДИЯ ТЕНИ В РОМАНЕ В. ВУЛЬФ «К МАЯКУ»

A. A. Изотова

THE SYMPHONY OF LIGHT AND THE PRELUDE OF SHADE IN THE NOVEL “TO THE LIGHTHOUSE” BY V. WOOLF

Anna A. Izotova

ABSTRACT:

The article attempts to analyse the concepts of “light” and “shade” which reflect the author’s worldview in the novel “To the Lighthouse” by V. Woolf.

Keywords: light; shade; symphony; prelude; lighthouse; metaphor; poetic worldview; Virginia Woolf

АННОТАЦИЯ:

В статье предпринята попытка рассмотреть концепты «свет» и «тьень» и их место в авторской картине мира в романе В. Вульф «К маяку».

Ключевые слова: свет; тень; симфония; прелюдия; маяк; метафора; поэтическая картина мира; Вирджиния Вульф

О чем роман «К маяку», в котором применяется техника «потока сознания»? В центре романа находятся понятия жизни и смерти, образ миссис Рэмсей, а также мощный образ одинокого маяка, прерывисто светящего в море. Это повествование, где «действие» (даже самые важные события в жизни человека: рождение и смерть, национальная история в военное время), тема «характера» оказываются недостаточными факторами для понимания замысла автора, и переводят читателя на уровень философии и психологии.

Роман черпает энергию из противопоставления между эстетическими и эмоциональными императивами: застывшая форма и поток, свет и тень. Целью маяка безусловно является освещение, но именно тьма между вспышками света определяет эту необходимость, см. [Bradbury 2002].

Свет в романе – это действующее лицо, способствующее раскрытию замысла автора. Обратимся к примерам:

‘It suddenly gets cold. The sun .seems to give less heat,’ she said, looking about her, for it was bright enough, the grass still a soft deep green, the house starred in its greenery with purple passion flowers, and rooks drop-

ping cool cries from the high blue. But something moved, flashed, turned a silver wing in the air. It was September after all, the middle of September, and past six in the evening. So off they strolled down the garden in the usual direction, past the tennis lawn, past the pampas grass, to that break in the thick hedge, guarded by red-hot poker-like braziers of clear burning coal, between which the blue waters of the bay looked bluer than ever.

Сентябрьское вечернее солнце дает меньше тепла, но всё ещё ярко освещает траву, дом, цветы, грачей в небе. Но что-то движется и вспыхивает подобно серебристому крылу в воздухе (*But something moved, flashed, turned a silver wing in the air*). Эта фраза придает отрывку поэтическую окраску.

She had said that last night looking out of the window with tears in her eyes. 'The mountains are so beautiful.' Her father was dying there, Mrs Ramsay knew. He was leaving them fatherless. Scolding and demonstrating (how to make a bed, how to open a window, with hands that shut and spread like a Frenchwoman's) all had folded itself quietly about her, when the girl spoke, as, after a flight through the sunshine the wings of a bird fold themselves quietly and the blue of its plumage changes from bright steel to soft purple. She had stood there silent for there was nothing to be said.

Речь девушки-швейцарки, служащей в доме миссис Рэмсей, метафорически сравнивается с игрой света на крыльях птицы в солнечный день, когда голубое оперение переливается от ярко стального до нежно фиолетового оттенка.

Already ashamed of that petulance, of that gesticulation of the hands when charging at the head of his troops, Mr Ramsay rather sheepishly prodded his son's bare legs once more, and then, as if he had her leave for it, with a movement which oddly reminded his wife of the great sea lion at the Zoo tumbling backwards after swallowing his fish and walloping off so that the water in the tank washes from side to side, he dived into the evening air which, already thinner, was taking the substance from leaves and hedges but, as if in return, restoring to roses and pinks a lustre which they had not had by day.

Мистер Рэмсей погружается в вечерний воздух, который, становясь прозрачным, «снимает» плотность листвы и изгородей, но придает розам и гвоздикам глянец и блеск (a lustre), которого у них не было днем.

And his fame lasts how long? It is permissible even for a dying hero to think before he dies how men will speak of him hereafter. His fame lasts perhaps two thousand years. And what are two thousand years? (asked Mr Ramsay ironically, staring at the hedge). What, indeed, if you look from a mountain-top down the long wastes of the ages? The very stone one kicks with one's boot will outlast Shakespeare. His own little light would shine, not

very brightly, for a year or two, and would then be merged in some bigger light, and that in a bigger still.

Философские рассуждения мистера Рэмсей о своей известности связаны с концептом света. Его собственный небольшой огонек как учено-го-метафизика будет гореть не очень долго, год или два, а затем сольется с более мощным светом, который поглотит еще более яркий свет (*His own little light would shine, not very brightly, for a year or two, and would then be merged in some bigger light, and that in a bigger still*).

Mrs Ramsay, who had been sitting loosely, folding her son in her arm, braced herself, and, half turning, seemed to raise herself with an effort, and at once to pour erect into the air a rain of energy, a column of spray, looking at the same time animated and alive as if all her energies were being fused into force, burning and illuminating (quietly though she sat, taking up her stocking again), and into this delicious fecundity, this fountain and spray of life, the fatal sterility of the male plunged itself, like a beak of brass, barren and bare. He wanted sympathy. He was a failure, he said.

Миссис Рэмсей, центральная героиня романа, тонкая и одухотворенная натура, на которой энергетически держится вся семья (муж и восемь детей) символически характеризуется как человек, выплескивающий в окружающее пространство поток энергии, как колонну водяной пыли. Её энергетический потенциал превращается в горящую и озаряющую силу (*as if all her energies were being fused into force, burning and illuminating*). Именно в этом фонтане жизненной энергии её муж ищет прибежища.

'And that's the end,' she said, and she saw in his eyes, as the interest of the story died away in them, something else take its place; something wondering, pale, like the reflection of a light, which at once made him gaze and marvel. Turning, she looked across the bay, and there, sure enough, coming regularly across the waves, first two quick strokes and then one long steady stroke, was the light of the Lighthouse. It had been lit.

In a moment he would ask her: 'Are we going to the Lighthouse?' And she would have to say: 'No: not tomorrow; your father says not.'

В восприятии Джеймса, младшего ребенка, особенно привязанного к миссис Рэмсей, его мать видит что-то удивительное, неуловимое, как отражение света (*like the reflection of a light*), что вызывает у него восхищение. Миссис Рэмсей замечает, что это свет, исходящий от маяка. Следует отметить, что на протяжении всего романа маяк выступает как символ, светоч в тёмном море и влечет к себе всю семью Рэмсей.

She praised herself in praising the light, without vanity, for she was stern, she was searching, she was beautiful like that light. It was odd, she thought, how if one was alone, one leant to things, inanimate things; trees, streams, flowers; felt they expressed one; felt they became one; felt they knew one, in

a sense were one; felt an irrational tenderness thus (she looked at that long steady light) as for oneself. There rose, and she looked and looked with her needles suspended, there curled up off the floor of the mind, rose from the lake of one's being, a mist, a bride to meet her lover.

What brought her to say that: 'We are in the hands of the Lord?' she wondered.

Миссис Рэмсей ценит свет и хвалит себя за это без тени тщеславия, так как она непреклонна и прекрасна, как этот свет (*she was beautiful like that light*). Героиня чувствует единение с природой как божественную связь, и в озарении от Творца видит возможность найти себя. Её пронизывает ощущение нежности ко всему бытию.

She saw the light again. With some irony in her interrogation, for when one woke at all, one's relations changed, she looked at the steady light, the pitiless, the remorseless, which was so much her, yet so little her, which had her at its beck and call (she woke in the night and saw it bent across their bed, stroking the floor), but for all that she thought, watching it with fascination, hypnotised, as if it were stroking with its silver fingers some sealed vessel in her brain whose bursting would flood her with delight, she had known happiness, exquisite happiness, intense happiness, and it silvered the rough waves a little more brightly, as daylight faded, and the blue went out of the sea and it rolled in waves of pure lemon which curved and swelled and broke upon the beach and the ecstasy burst in her eyes and waves of pure delight raced over the floor of her mind and she felt, It is enough! It is enough!

Миссис Рэмсей нередко видит ровный свет, порой безжалостный, иногда это её внутренний свет, иногда он не принадлежит ей, но он зовёт её. Возникает метафорический образ света, ласкающего серебряными пальцами запечатанный сосуд её восприятия (*as if it were stroking with its silver fingers some sealed vessel in her brain*), открыв который, она ощущает невероятное счастье, а волны радости охватывают её душу.

He would prove what he could do. And as they came out on the hill and saw the lights of the town beneath them, the lights coming out suddenly one by one seemed like things that were going to happen to him – his marriage, his children, his house; and again he thought, as they came out on to the high road, which was shaded with high bushes, how they would retreat into solitude together, and walk on and on, he always leading her, and she pressing close to his side (as she did now).

Попеременно вспыхивающие огни города символически представляются Полу Рэйли, другу семьи Рэмсей, вехами его будущей жизни – его браком, рождением детей, его домом.

It had been far and away the worst moment of his life when he asked Minta to marry him. He would go straight to Mrs Ramsay, because he felt

somehow that she was the person who had made him do it. She had made him think he could do anything. Nobody else took him seriously. But she made him believe that he could do whatever he wanted. He had felt her eyes on him all day today, following him about (though she never said a word) as if she were saying: 'Yes, you can do it. I believe in you. I expect it of you.' She had made him feel all that, and directly they got back (he looked for the lights of the house above the bay) he would go to her and say: 'I've done it, Mrs Ramsay; thanks to you.' And so turning into the lane that led to the house he could see lights moving about in the upper windows. They must be awfully late then. People were getting ready for dinner. The house was all lit up, and the lights after the darkness made his eyes feel full, and he said to himself, childishly, as he walked up the drive, Lights, lights, lights, and repeated in a dazed way, Lights, lights, lights, as they came into the house, staring about him with his face quite stiff. (But, good heavens, he said to himself, putting his hand to his tie, I must not make a fool of myself.)

После предложения руки и сердца Минте мелькающий свет в доме миссис Рэмсей завораживает Пола, и он изумленно повторяет слово «огни» (*lights*), как ребёнок произносил бы волшебное заклинание.

Now eight candles were stood down the table, and after the first stoop the flames stood upright and drew with them into visibility the long table entire, and in the middle a yellow and purple dish of fruit. What had she done with it, Mrs Ramsay wondered, for Rose's arrangement of the grapes and pears, of the horny pink-lined shell, of the bananas, made her think of a trophy fetched from the bottom of the sea, of Neptune's banquet, of the bunch that hangs with vine leaves over the shoulder of Bacchus (in some picture), among the leopard skins and the torches lolloping red and gold... Thus brought up suddenly into the light it seemed possessed of great size and depth, was like a world in which one could take one's staff and climb up hills, she thought, and go down into valleys.

Игра золотого и пурпурного цвета на блюде фруктов, приготовленных Роуз, дочерью миссис Рэмсей, на столе, напоминает главной героине праздник Нептуна, виноградные листья на плече Вакха. В восприятии миссис Рэмсей возникает поэтическая картина мира, где человек может взбираться на холмы и спускаться в долины.

She was irresistible. Always she got her own way in the end, Lily thought. Now she had brought this off – Paul and Minta, one might suppose, were engaged. Mr Bankes was dining here. She put a spell on them all, by wishing, so simply, so directly; and Lily contrasted that abundance with her own poverty of spirit, and supposed that it was partly that belief (for her face was all lit up – without looking young, she looked radiant) in this strange, this terrifying thing, which made Paul Rayley, the centre of it, all of a tremor, yet abstract, absorbed, silent.

Размышляя о том, как миссис Рэмсей сумела соединить судьбы Пола и Минты, Лили Брискоу, художница, находит миссис Рэмсей неотразимой. Её лицо было озарено, и, не будучи молодой, она выглядела сияющей (*she looked radiant*). Подобного богатства души не хватает самой Лили.

But when she looked at Prue tonight, she saw that this was not now quite true of her. She was just beginning, just moving, just descending. The faintest light was on her face, as if the glow of Minta opposite, some excitement, some anticipation of happiness was reflected in her, as if the sun of the love of men and women rose over the rim of the tablecloth, and without knowing what it was she bent towards it and greeted it. She kept looking at Minta, shyly, yet curiously, so that Mrs Ramsay looked from one to the other and said, speaking to Prue in her own mind, You will be as happy as she is one of these days.

Миссис Рэмсей замечает на лице свое дочери слабый свет как предвестник будущего счастья. Этот свет метафорически уподобляется восходящему солнцу любви мужчины и женщины (*as if the sun of the love of men and women rose*). Не сознавая, что её ждет, девушка покоряется этому свету и приветствует его.

Suddenly, as suddenly as a star slides in the sky, a reddish light seemed to burn in her mind, covering Paul Rayley, issuing from him. It rose like a fire sent up in token of some celebration by savages on a distant beach. She heard the roar and the crackle. The whole sea for miles round ran red and gold. Some winy smell mixed with it and intoxicated her, for she felt again her own headlong desire to throw herself off the cliff and be drowned looking for a pearl brooch on a beach. And the roar and the crackle repelled her with fear and disgust, as if while she saw its splendour and power she saw too how it fed on the treasure of the house, greedily, disgustingly, and she loathed it. But for a sight, for a glory it surpassed everything in her experience, and burnt year after year like a signal fire on a desert island at the edge of the sea, and one had only to say 'in love' and instantly, as happened now, up rose Paul's fire again. And it sank and she said to herself, laughing 'The Rayleys'; how Paul went to coffeehouses and played chess.

В душе Лили Брискоу нередко загорается красноватый свет, подобный огню, как знак праздника дикарей на далеком острове. Это показывает её переживания по поводу того, что в её жизни не хватает любви.

Итак, как можно убедиться, в романе звучит симфония света, свет буквально пронизывает текст и является его неотъемлемой частью.

Не менее важным концептом в романе выступает «тьень» как противопоставление «свету». Рассмотрим контексты.

...but here, the houses falling away on both sides, they came out on the quay, and the whole bay spread before them and Mrs Ramsay could not help

exclaiming: 'Oh, how beautiful!' For the great plateful of blue water was before her; the hoary Lighthouse, distant, austere, in the midst; and on the right, as far as the eye could see, fading and falling, in soft low pleats, the green sand dimes with the wild flowing grasses on them, which always seemed to be running away into some moon country, uninhabited of men.

Вид домов на фоне залива привлекает миссис Рэмсей. Голубая вода, вдали древний маяк и простирающиеся зеленые песчаные дюны в мягких складках с дикой растительностью, которые в восприятии героини убегают в какую-то не заселенную человеком лунную страну (*which always seemed to be running away into some moon country, uninhabited of men*).

...but at other times suddenly and unexpectedly, especially when her mind raised itself slightly from the task actually in hand, had no such kindly meaning, but like a ghostly roll of drums remorselessly beat the measure of life, made one think of the destruction of the island and its engulfment in the sea, and warned her whose day had slipped past in one quick doing after another that it was all ephemeral as a rainbow – this sound which had been obscured and concealed under the other sounds suddenly thundered hollow in her ears and made her look up with an impulse of terror.

Жизнь иногда представляется миссис Рэмсей эфемерной и подобной радуге (*it was all ephemeral as a rainbow*), в то время как призрачный бой барабанов (*a ghostly roll of drums*) безжалостно отбивает такт жизни.

When life sank down for a moment, the range of experience seemed limitless. And to everybody there was always this sense of unlimited resources, she supposed; one after another, she, Lily, Augustus Carmichael, must feel, our apparitions, the things you know us by, are simply childish. Beneath it is all dark, it is all spreading, it is unfathomably deep; but now and again we rise to the surface and that is what you see us by. Her horizon seemed to her limitless. There were all the places she had not seen; the Indian plains; she felt herself pushing aside the thick leather curtain of a church in Rome. This core of darkness could go anywhere, for no one saw it. They could not stop it, she thought, exulting. There was freedom, there was peace, there was, most welcome of all, a summoning together, a resting on a platform of stability. Not as oneself did one find rest ever, in her experience (she accomplished here; something dexterous with her needles), but as a wedge of darkness.

Приоткрывая завесу темноты, миссис Рэмсей способна побывать там, где никогда не бывала ранее – на равнинах индейцев, в церкви в Риме. Её кругозор кажется ей безграничным. Само сердце тени (*core of darkness*) ведет её повсюду и дарит ей свободу и покой.

Raising her eyebrows at the discrepancy – that was what she was thinking, this was what she was doing – ladling out soup – she felt, more and more strongly, outside that eddy; or as if a shade had fallen, and, robbed of colour,

she saw things truly. The room (she looked round it) was very shabby. There was no beauty anywhere. She forebore to look at Mr Tansley. Nothing seemed to have merged. They all sat separate. And the whole of the effort of merging and flowing and creating rested on her.

Миссис Рэмсей видит вещи в истинном свете, как будто нависла тень (*as if a shade had fallen*) и исчез цвет. Комната кажется ей убогой и некрасивой, а её друзья разобщенными.

So with the lamps all put out, the moon sunk, and a thin rain drumming on the roof, a downpouring of immense darkness began. Nothing, it seemed, could survive the flood, the profusion of darkness which creeping in at key-holes and crevices, stole round window blinds, came into bedrooms, swallowed up here a jug and basin, there a bowl of red and yellow dahlias, there the sharp edges and firm bulk of a chest of drawers. Not only was furniture confounded; there was scarcely anything left of body or mind by which one could say, 'This is he,' or, 'This is she.' Sometimes a hand was raised as if to clutch something or ward off something, or somebody groaned, or somebody laughed aloud as if sharing a joke with nothingness.

Nothing stirred in the drawing-room or in the dining-room or on the staircase. Only through the rusty hinges and swollen sea-moistened wood-work certain airs, detached from the body of the wind (the house was ramshackle after all), crept round corners and ventured indoors. Almost one might imagine them, as they entered the drawing-room, questioning and wondering, toying with the flap of hanging wallpaper, asking, would it hang much longer, when would it fall? Then smoothly brushing the walls, they passed on musingly as if asking the red and yellow roses on the wallpaper whether they would fade, and questioning (gently, for there was time at their disposal) the torn letters in the wastepaper basket, the flowers, the books, all of which were now open to them and asking: Were they allies? Were they enemies? How long would they endure?

So some random light directing them from an uncovered star, or wandering ship, or the Lighthouse even, with its pale footfall upon stair and mat, the little airs mounted the staircase and nosed round bedroom doors.

Отрывок пронизан причудливыми образами, созданными оживлением застывших метафор *darkness ... stole round window blinds, ... swallowed up here a jug* (тьма распространилась по оконным жалюзям... поглотила кувшин). Бестелесная тьма становится субъектом ряда активных глаголов. Гротескная рука что-то хватает, кто-то стонет. Текст раскрывает настоящую готическую драму (*somebody laughed aloud as if sharing a joke with nothingness* – кто-то громко рассмеялся, как будто разделил шутку с небытием). Тень сменяет ветер, и беспорядочный свет (*random light*) начинает направлять движение текста.

Cam would never resist tyranny to the death, he thought grimly, watching her face, sad, sulky, yielding. And as sometimes happens when a cloud falls on a green hillside and gravity descends and there among all the surrounding hills is gloom and sorrow, and it seems as if the hills themselves must ponder the fate of the clouded, the darkened, either in pity or maliciously rejoicing in her dismay: so Cam now felt herself overcast, as she sat there among calm, resolute people and wondered how to answer her father about the puppy; how to resist his entreaty – forgive me, care for me; while James the lawgiver, with the tablets of eternal wisdom laid open on his knee (his hand on the tiller had become symbolical to her), said, Resist him. Fight him.

Кэм, дочь четы Рэмсей, опечалена напряженными отношениями с отцом. Её состояние сравнивается с тенью, падающей на зелёный склон холма (*when a cloud falls on a green hillside*). Автор использует развернутую метафору: как будто сами холмы должны размышлять о судьбе людей, погруженных в печаль (*as if the hills themselves must ponder the fate of the clouded, the darkened*), жалея их либо наслаждаясь их тревогой.

She had only escaped by the skin of her teeth though, she thought. She had been looking at the tablecloth, and it had flashed upon her that she would move the tree to the middle, and need never marry anybody, and she had felt an enormous exultation. She had felt, now she could stand up to Mrs Ramsay – a tribute to the astonishing power that Mrs Ramsay had over one. Do this, she said, and one did it. Even her shadow at the window with James was full of authority.

Lily squeezed her tubes again. She attacked that problem of the hedge. It was strange how clearly she saw her, stepping with her usual quickness across fields among whose folds, purplish and soft, among whose flowers, hyacinths or lilies, she vanished. It was some trick of the painter's eye. For days after she had heard of her death she had seen her thus, putting her wreath to her forehead and going unquestioningly with her companion, a shadow, across the fields. The sight, the phrase, had its power to console. Wherever she happened to be, painting, here, in the country, or in London, the vision would come to her, and her eyes, half closing, sought something to base her vision on.

Some wave of white went over the window pane. The air must have stirred some flounce in the room. Her heart leapt at her and seized her and tortured her.

'Mrs Ramsay! Mrs Ramsay!' she cried, feeling the old horror come back – to want and want and not to have. Could she inflict that still? And then, quietly, as if she refrained, that too became part of ordinary experience, was

on a level with the chair, with the table. Mrs Ramsay – it was part of her perfect goodness to Lily – sat there quite simply, in the chair, flicked her needles to and fro, knitted her reddish-brown stocking, cast her shadow on the step. There she sat.

В трех приведенных выше контекстах Лили Брискоу после смерти миссис Рэмсей встречается с её тенью.

В первом случае Лили рада, что миссис Рэмсей не сумела выдать её замуж, призрак у окна представляется Лили полным достоинства.

Во втором отрывке тень миссис Рэмсей всюду сопровождает Лили. Лили утешает себя – это видение, душа миссис Рэмсей навсегда осталась в её воспоминаниях, где бы она ни была.

В последнем примере светлая волна пробегает по оконной раме, и Лили, страдая, видит миссис Рэмсей как живую, вяжущую чулок и отбрасывающую тень на порог (*cast her shadow on the step*).

Использование концепта «тень» в романе можно сравнить с музыкальной прелюдией, которая помогает читателю проникнуть в тайны бытия.

Зачастую концепты света и тени сближаются настолько, что признаки, входящие в план содержания одного концепта, переходят к другому, проецируются на него. Приведем контексты:

What then was this terror, this hatred? Turning back among the many leaves which the past had folded in him, peering into the heart of that forest where light and shade so chequer each other that all shape is distorted, and one blunders, now with the sun in one's eyes, now with a dark shadow, he sought an image to cool and detach and round off his feeling in a concrete shape. Suppose then that as a child sitting helpless in a perambulator, or on someone's knee, he had seen a wagon crush, ignorantly and innocently, someone's foot? Suppose he had seen the foot first, in the grass, smooth and whole; then the wheel; and the same foot, purple, crushed. But the wheel was innocent. So now, when his father came striding down the passage knocking them up early in the morning to go to the Lighthouse down it came over his foot, over Cam's foot, over anybody's foot. One sat and watched it.

После смерти миссис Рэмсей её младшему сыну Джеймсу трудно найти утешение из-за сложных отношений с отцом. Джеймс заглядывает в самое сердце леса, где свет и тень настолько переплетаются, что все формы оказываются размытыми. Джеймс ищет образ, который мог бы его успокоить, мог бы облечь его чувства в конкретную форму, то глядя на слепящее глаза солнце (*now with the sun in one's eyes*), то всматриваясь в тень (*now with a dark shadow*).

From her hand, ice cold, held deep in the sea, there spurted up a fountain of joy at the change, at the escape, at the adventure (that she should be alive, that she should be there). And the drops falling from this sudden and unthink-

ing fountain of joy fell here and there on the dark, the slumbrous shapes in her mind; shapes of a world not realised but turning in their darkness, catching, here and there, a spark of light: Greece, Rome, Constantinople. Small as it was, and shaped something like a leaf stood on end with the gold sprinkled waters flowing in and about it. It had, she supposed, a place in the universe - even that little island.

На Кэм Рэмсей внезапно изливается фонтан радости, чувство, связанное с тем, что она жива. Капли этого фонтана касаются темных сторон её воображения. Возникают таинственные метафорические образы мира, озаренные вспышкой света (*a spark of light*): Греция, Рим, Константинополь.

Mrs Ramsay sat silent. She was glad, Lily thought, to rest in silence, uncommunicative; to rest in the extreme obscurity of human relationships. Who knows what we are, what we feel? Who knows even at the moment of intimacy, This is knowledge? Aren't things spoiled then, Mrs Ramsay may have asked (it seemed to have happened so often, this silence by her side), by saying them? Aren't we more expressive thus? The moment at least seemed extraordinarily fertile. She rammed a little hole in the sand and covered it up, by way of burying in it the perfection of the moment. It was like a drop of silver in which one dipped and illumined the darkness of the past.

Миссис Рэмсей рада уединению, автор сравнивает её игру с песком с тем, как будто она спрятала в нём безупречность мгновения. Метафора объединяет свет и тень: это было подобно капле серебра, в которую можно было погрузиться и озарить тень прошлого (*It was like a drop of silver in which one dipped and illumined the darkness of the past*).

Число подобных примеров легко увеличить:

She now remembered what she had been going to say about Mrs Ramsay. She did not know how she would have put it; but it would have been something critical. She had been annoyed the other night by some highhandedness. Looking along the level of Mr Bankes's glance at her, she thought that no woman could worship another woman in the way he worshipped; they could only seek shelter under the shade which Mr Bankes extended over them both. Looking along his beam she added to it her different ray, thinking that she was unquestionably the loveliest of people (bowed over her book); the best perhaps; but also, different too from the perfect shape which one saw there. But why different, and how different? she asked herself, scraping her palette of all those mounds of blue and green which seemed to her like clods with no life in them now, yet she vowed, she would inspire them, force them to move, flow, do her bidding tomorrow.

But the picture was not of them, she said. Or, not in his sense. There were other senses, too, in which one might reverence them. By a shadow here and

a light there, for instance. Her tribute took that form, if, as she vaguely supposed, a picture must be a tribute. A mother and child might be reduced to a shadow without irreverence. A light here required a shadow there. He considered. He was interested. He took it scientifically in complete good faith.

She disliked anything that reminded her that she had been seen sitting thinking. So she looked over her shoulder, at the town. The lights were rippling and running as if they were drops of silver water held firm in a wind. And all the poverty, all the suffering had turned to that, Mrs Ramsay thought. The lights of the town and of the harbour and of the boats seemed like a phantom net floating there to mark something which had sunk.

And she waited a little, knitting, wondering, and slowly those words they had said at dinner, 'the China rose is all abloom and buzzing with the honey bee', began washing from side to side of her mind rhythmically, and as they washed, words, like little shaded lights, one red, one blue, one yellow, lit up in the dark of her mind, and seemed leaving their perches up there to fly across and across, or to cry out and to be echoed; so she turned and felt on the table beside her for a book.

*And all the lives we ever lived
And all the lives to be,
Are full of trees and changing leaves,
she murmured, sticking her needles into the stocking.*

So with the house empty and the doors locked and the mattresses rolled round, those stray airs, advance guards of great armies, blustered in, brushed bare boards, nibbled and fanned, met nothing in bedroom or drawing-room that wholly resisted them but only hangings that flapped, wood that creaked, the bare legs of tables, saucepans and china already furred, tarnished, cracked. What people had shed and left – a pair of shoes, a shooting cap, some faded skirts and coats in wardrobes – those alone kept the human shape and in the emptiness indicated how once they were filled and animated; how once hands were busy with hooks and buttons; how once the looking-glass had held a face; had held a world hollowed out in which a figure turned, a hand flashed, the door opened, in came children rushing and tumbling; and went out again. Now, day after day, light turned, like a flower reflected in water, its clear image on the wall opposite. Only the shadows of the trees, flourishing in the wind, made obeisance on the wall, and for a moment darkened the pool in which light reflected itself; or birds, flying, made a soft spot flutter slowly across the bedroom floor.

He began following her from room to room and at last they came to a room where in a blue light, as if the reflection came from many china dishes, she talked to somebody; he listened to her talking. She talked to a servant, saying simply whatever came into her head. 'We shall need a big dish to-night. Where is it – the blue dish?' She alone spoke the truth; to her alone could he speak it. That was the source of her everlasting attraction for him, perhaps; she was a person to whom one could say what came into one's head. But all the time he thought of her, he was conscious of his father following his thought, shadowing it, making it shiver and falter.

Suddenly the window at which she was looking was whitened by some light stuff behind it. At last then somebody had come into the drawing-room; somebody was sitting in the chair. For heaven's sake, she prayed, let them sit still there and not come floundering out to talk to her. Mercifully, whoever it was stayed still inside; had settled by some stroke of luck so as to throw an odd-shaped triangular shadow over the step. It altered the composition of the picture a little. It was interesting. It might be useful.

Итак, главным феноменологическим инструментом «голоса» бытия в романе В. Вульф «К маяку» является поэтология света и тени, отражающая авторскую картину мира.

Литература / References

1. *Изотова А.А.* Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 16. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 54-58.
2. *Изотова А.А.* Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 43. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 64-72.
3. *Изотова А.А.* Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 44. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 63-67.
4. *Изотова А.А.* Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2014. №21. – С. 258-260.
5. *Изотова А.А.* Метафорика «слова», «музыки» и «тишины» в романе В. Вульф «Между действиями» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 56. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 58-64.
6. *Изотова А.А.* Индивидуально-авторские концепты «дерево», «цветок» и «птица» в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 56. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 65-72.
7. *Bradbury N.* Introduction and Notes // *Woolf V.* To the Lighthouse. [s.l.]: Wordsworth Classics, 2002. P. V-XVI.

DOI 10.29003/M101.LMC2018-59/82-91

ВОЛНЫ ЦВЕТА В МОРЕ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ В. ВУЛЬФ «ОРЛАНДО»

A. A. Изотова

THE WAVES OF COLOUR IN THE SEA OF TIME
IN THE NOVEL "ORLANDO" BY VIRGINIA WOOLF

A.A. Izotova

ABSTRACT:

The present article is devoted to the investigation of colour and its skilful use in the novel "Orlando" by Virginia Woolf

Keywords: English linguoculture; Virginia Woolf; metaphor; metaphORIZATION; colour

АННОТАЦИЯ:

Настоящая статья посвящена исследованию цветовых обозначений и их искусственному использованию в романе Вирджинии Вульф «Орландо».

Ключевые слова: метафора; метафоризация; английская лингвокультура; Вирджиния Вульф; цвет

Роман «Орландо» представляет собой пародийную биографию молодого аристократа, который живет три столетия, не старея, но при этом в какой-то момент внезапно превращается в женщину. В повествовании нет четкого сюжета и места событий, используется техника «потока сознания», и в этом потоке цвет играет немаловажную роль.

На наш взгляд, цветовые обозначения можно разделить на три основные категории: описания природы и города, описание внешности героев, восприятие цвета персонажем.

Приведем контексты описания природы и города:

After an hour or so — the sun was rapidly sinking, the white clouds had turned red, the hills were violet, the woods purple, the valleys black — a trumpet sounded. Orlando leapt to his feet. The shrill sound came from the valley. It came from a dark spot down there; a spot compact and mapped out; a maze; a town, yet girt about with walls; it came from the heart of his own great house in the valley, which, dark before, even as he looked and the single trumpet duplicated and reduplicated itself with other shriller sounds, lost its darkness and became pierced with lights.

There it lay in the early sunshine of spring. It looked a town rather than a house, but a town built, not hither and thither, as this man wished or that, but circumspectly, by a single architect with one idea in his head. Courts and buildings, grey, red, plum colour, lay orderly and symmetrical; the courts were some of them oblong and some square; in this was a fountain; in that a statue; the buildings were some of them low, some pointed; here was a chapel, there a belfry; spaces of the greenest grass lay in between and clumps of cedar-trees and beds of bright flowers; all were clasped.

It was a fine evening in December when she arrived and the snow was falling and the violet shadows were slanting much as she had seen them from the hill-top at Broussa. The great house lay more like a town than a house, brown and blue, rose and purple in the snow, with all its chimneys smoking busily as if inspired with a life of their own. She could not restrain a cry as she saw it there tranquil and massive, couched upon the meadows. As the yellow coach entered the park and came bowling along the drive between the trees, the red deer raised their heads as if expectantly, and it was observed that instead of showing the timidity natural to their kind, they followed the coach and stood about the courtyard when it drew up.

A change seemed to have come over the climate of England. Rain fell frequently, but only in fitful gusts, which were no sooner over than they began again. The sun shone, of course, but it was so girt about with clouds and the air was so saturated with water, that its beams were discoloured and purples, oranges, and reds of a dull sort took the place of the more positive landscapes of the eighteenth century. Under this bruised and sullen canopy the green of the cabbages was less intense, and the white of the snow was mud-died.

And she looked straight up into the marvellous golden foam into which the clouds had churned themselves, and saw next moment a track in it, and camels passing in single file through the rocky desert among clouds of red dust; and then, when the camels had passed, there were only mountains, very high and full of clefts and with pinnacles of rock, and she fancied she heard goat bells ringing in their passes, and in their folds were fields of irises and gentian.

It was odd sort of weather nowadays. The sky itself, she could not help thinking, had changed. It was no longer so thick, so watery, so prismatic now that King Edward — see, there he was, stepping out of his neat brougham to go and visit a certain lady opposite — had succeeded Queen Victoria. The clouds had shrunk to a thin gauze; the sky seemed made of metal, which in hot weather tarnished verdigris, copper colour or orange as metal does in a

fog. It was a little alarming — this shrinkage. Everything seemed to have shrunk.

She ran downstairs, she jumped into her motorcar, she pressed the self-starter and was off. Vast blue blocks of building rose into the air; the red cowls of chimneys were spotted irregularly across the sky; the road shone like silver-headed nails; omnibuses bore down upon her with sculptured white-faced drivers; she noticed sponges, bird-cages, boxes of green American cloth. But she did not allow these sights to sink into her mind even the fraction of an inch as she crossed the narrow plank of the present, lest she should fall into the raging torrent beneath. "Why don't you look where you're going to?... Put your hand out, can't you?" — that was all she said sharply, as if the words were jerked out of her. For the streets were immensely crowded; people crossed without looking where they were going. People buzzed and hummed round the plate-glass windows within which one could see a glow of red, a blaze of yellow, as if they were bees, Orlando thought.

Перейдем к описанию внешности персонажей.

Orlando stood now in the midst of the yellow body of an heraldic leopard. When he put his hand on the window-sill to push the window open, it was instantly coloured red, blue, and yellow like a butterfly's wing. Thus, those who like symbols, and have a turn for the deciphering of them, might observe that though the shapely legs, the handsome body, and the well-set shoulders were all of them decorated with various tints of heraldic light, Orlando's face, as he threw the window open, was lit solely by the sun itself. A more candid, sullen face it would be impossible to find. Happy the mother who bears, happier still the biographer who records the life of such a one! Never need she vex herself, nor he invoke the help of novelist or poet.

Рука Орландо на фоне шкуры геральдического леопарда и открывающегося окна становится похожей на крыло бабочки с переливающимися оттенками красного, голубого и желтого (*it was instantly coloured red, blue, and yellow like a butterfly's wing*), и вся его фигура освещается различными оттенками геральдического света. Лицо же его озаряется только самим солнцем (*Orlando's face ... was lit solely by the sun itself*).

But, alas, that these catalogues of youthful beauty cannot end without mentioning forehead and eyes. Alas, that people are seldom born devoid of all three; for directly we glance at Orlando standing by the window, we must admit that he had eyes like drenched violets, so large that the water seemed to have brimmed in them and widened them; and a brow like the swelling of a marble dome pressed between the two blank medallions which were his temples.

Глаза Орландо метафорически сравниваются с намокшими фиалками (*eyes like drenched violets*), такими большими, что, казалось, вода

перелилась через край и расширила их, а его лоб уподоблен возвышенному мраморному собору (*a brow like the swelling of a marble dome*).

She flashed her yellow hawk's eyes upon him as if she would pierce his soul. The young man withstood her gaze blushing only a damask rose as became him. Strength, grace, romance, folly, poetry, youth — she read him like a page.

Взгляд королевы сравнивается со вспышкой желтых глаз ястреба, как будто пронизывающих душу Орландо (*She flashed her yellow hawk's eyes upon him as if she would pierce his soul*). Она могла прочесть Орландо, как книгу, в нем таились сила, милосердие, романтика, безрассудство, поэзия и юность.

What woman would not have kindled to see what Orlando saw then burning in the snow — for all about the looking-glass were snowy lawns, and she was like a fire, a burning bush, and the candle flames about her head were silver leaves; or again, the glass was green water, and she a mermaid, slung with pearls, a siren in a cave, singing so that oarsmen leant from their boats and fell down, down to embrace her; so dark, so bright, so hard, so soft, was she, so astonishingly seductive that it was a thousand pities that there was no one there to put it in plain English, and say outright, "Damn it, Madam, you are loveliness incarnate," which was the truth.

Орландо в образе женщины уподобляется то огню, горящей ветке плюща среди белоснежных лужаек зеркала (*snowy lawns*), а отблески свечи у её головы похожи на серебряные листья (*the candle flames about her head were silver leaves*), то русалке в зеркале зеленых вод (*the glass was green water, and she a mermaid*), украшенной жемчугами.

Цвет нередко функционирует на метасемиотическом уровне, когда автор выражает эмоции и переживания персонажей, а также описывает их видения. Обратимся к примерам.

He was describing, as all young poets are for ever describing, nature, and in order to match the shade of green precisely he looked (and here he showed more audacity than most) at the thing itself, which happened to be a laurel bush growing beneath the window. After that, of course, he could write no more. Green in nature is one thing, green in literature another. Nature and letters seem to have a natural antipathy; bring them together and they tear each other to pieces. The shade of green Orlando now saw spoilt his rhyme and split his metre.

Орландо – молодой поэт, в своих стихах он пытается изобразить природу. Для того, чтобы уловить точный оттенок зелёного, он смотрит на куст лавра у окна, но вдохновение покидает его. Действительно, согласно его философским рассуждениям, зелёный цвет в природе – это одно, а в литературе совсем другое (*Green in nature is one thing, green in literature another*).

...he forgot the frozen waters or night coming or the old woman or whatever it was, and would try to tell her — plunging and splashing among a thousand images which had gone as stale as the women who inspired them — what she was like. Snow, cream, marble, cherries, alabaster, golden wire? None of these. She was like a fox, or an olive-tree; like the waves of the sea when you look down upon them from a height; like an emerald; like the sun on a green hill which is yet clouded — like nothing he had seen or known in England. Ransack the language as he might, words failed him. He wanted another landscape, and another tongue. English was too frank, too candid, too honeyed a speech for Sasha. For in all she said, however open she seemed and voluptuous, there was something hidden; in all she did, however daring, there was something concealed. So the green flame seems hidden in the emerald, or the sun prisoned in a hill. The clearness was only outward; within was a wandering flame. It came; it went; she never shone with the steady beam of an Englishwoman.

В восприятии Орlando русская аристократка Саша, в которую он влюблен, ассоциируется у него с изумрудом и солнцем за покрытым зеленью холмом (*like an emerald; like the sun on a green hill*). Речь и поведение Саши метафорически уподоблены зеленому пламени, сокрытому в изумруде, или солнцу, которое скрывается за холмом (*So the green flame seems hidden in the emerald, or the sun prisoned in a hill*). Для Орlando даже его родной английский язык не способен выразить всю её красоту.

It was an evening of astonishing beauty. As the sun sank, all the domes, spires, turrets, and pinnacles of London rose in inky blackness against the furious red sunset clouds. Here was the fretted cross at Charing; there the dome of St Paul's; there the massy square of the Tower buildings; there like a grove of trees stripped of all leaves save a knob at the end were the heads on the pikes at Temple Bar. Now the Abbey windows were lit up and burnt like a heavenly, many-coloured shield (in Orlando's fancy); now all the west seemed a golden window with troops of angels (in Orlando's fancy again) passing up and down the heavenly stairs perpetually. All the time they seemed to be skating in fathomless depths of air, so blue the ice had become; and so glassy smooth was it that they sped quicker and quicker to the city with the white gulls circling about them, and cutting in the air with their wings the very same sweeps that they cut on the ice with their skates.

В воображении Орlando (*in Orlando's fancy*) на закате в Лондоне зажатые окна Аббатства сияют как божественный разноцветный щит (*burnt like a heavenly, many-coloured shield*), а полоса Вест-энда кажется ему золотым окном с множеством ангелов (*a golden window with troops of angels*).

В восприятии Орlando ангелы катаются на коньках в небесных сферах, где голубой цвет – символ спокойствия и умиротворенности – становится всё более насыщенным (*so blue the ice had become*).

Ravished with her praises and shamed to think how he had maligned her by fancying her on the knees of a common sailor and grown fat and lethargic at forty, he told her that he could find no words to praise her; yet instantly bethought him how she was like the spring and green grass and rushing waters, and seizing her more tightly than ever, he swung her with him half across the river so that the gulls and the cormorants swung too. And halting at length, out of breath, she said, panting slightly, that he was like a million-candled Christmas tree (such as they have in Russia) hung with yellow globes; incandescent; enough to light a whole street by; (so one might translate it) for what with his glowing cheeks, his dark curls, his black and crimson cloak, he looked as if he were burning with his own radiance, from a lamp lit within.

Орlando воспринимает Сашу как весну, зелёную траву, как бегущие волны. Как мы знаем, зелёный цвет – это один из самых мощных источников энергии и жизненной силы, символ гармонии и спокойствия. Саша же ощущает, что Орlando похож на освещенное множеством свечей рождественское дерево, увешанное желтыми шарами, способное осветить всю улицу (*he was like a million-candled Christmas tree (such as they have in Russia) hung with yellow globes; incandescent; enough to light a whole street by*).

У любого человека желтый цвет вызывает ассоциации с солнцем. Кроме того, автор использует развернутую метафору, характеризующую Орlando как человека, обладающего своим собственным сиянием, исходящим из горящей лампы его души (*he looked as if he were burning with his own radiance, from a lamp lit within*).

All the colour, save the red of Orlando's cheeks, soon faded. Night came on. As the orange light of sunset vanished it was succeeded by an astonishing white glare from the torches, bonfires, flaming cressets, and other devices by which the river was lit up and the strangest transformation took place. Various churches and noblemen's palaces, whose fronts were of white stone showed in streaks and patches as if floating on the air. Of St Paul's, in particular, nothing was left but a gilt cross. The Abbey appeared like the grey skeleton of a leaf. Everything suffered emaciation and transformation.

После того, как исчезает оранжевый цвет заката, появляется невероятное ослепительное белое сияние (*an astonishing white glare*) фонарей и костров у реки, и в восприятии Орlando происходит трансформация. Различные церкви и дворцы из белого камня сверкают полосами и кажутся ему парящими в воздухе.

All now was ready; and when it was evening and the innumerable silver sconces were lit and the light airs which for ever moved about the galleries stirred the blue and green arras, so that it looked as if the huntsmen were riding and Daphne flying; when the silver shone and lacquer glowed and wood kindled; when the carved chairs held their arms out and dolphins swam upon the walls with mermaids on their backs; when all this and much more than all this was complete and to his liking, Orlando walked through the house with his elk-hounds following and felt content.

Когда вечером в его доме зажжены все серебряные канделябры и свет колышет голубые и зеленые гобелены (*and the light airs ... stirred the blue and green arras*), в воображении Орландо оживают скачущие охотники и летящая Дафна, плывущие дельфины с русалками на спинах.

For Love, to which we may now return, has two faces; one white, the other black; two bodies; one smooth, the other hairy. It has two hands, two feet, two nails, two, indeed, of every member and each one is the exact opposite of the other. Yet, so strictly are they joined together that you cannot separate them. In this case, Orlando's love began her flight towards him with her white face turned, and her smooth and lovely body outwards. Nearer and nearer she came wafting before her airs of pure delight. All of a sudden (at the sight of the Archduchess presumably) she wheeled about, turned the other way round; showed herself black, hairy, brutish; and it was Lust the vulture, not Love, the Bird of Paradise, that flopped, foully and disgustingly, upon his shoulders.

По утверждению автора, любовь имеет два лица – светлое и темное и два тела – гладкое и заросшее (*two faces; one white, the other black; two bodies; one smooth, the other hairy*). Сначала любовь Орландо начинает свой полет с обращенным к нему светлым лицом (*Orlando's love began her flight towards him with her white face turned*), а затем внезапно оборачивается к нему своим темным ликом (*showed herself black, hairy, brutish*). Возникает метафорический образ грифа, опускающегося на плечи Орландо. Этот образ символизирует вожделение и противопоставлен образу райской птицы – символу любви.

Suddenly a shadow, though there was nothing to cast a shadow, appeared on the bald mountain-side opposite. It deepened quickly and soon a green hollow showed where there had been barren rock before. As she looked, the hollow deepened and widened, and a great park-like space opened in the flank of the hill. Within, she could see an undulating and grassy lawn; she could see oak-trees dotted here and there; she could see the thrushes hopping among the branches. She could see the deer stepping delicately from shade to shade, and could even hear the hum of insects and the gentle sighs and shivers of a summer's day in England. After she had gazed entranced for some

time, snow began falling; soon the whole landscape was covered and marked with violet shades instead of yellow sunlight.

Описанное видение Орландо показывает, как среди зимнего пейзажа внезапно возникает лето – зеленая лощина (*a green hollow showed*). Орландо видит покрытую травой лужайку, цветущие дубы, прыгающих по ветвям дроздов, бродящих оленей. Вскоре видение исчезает, и снежный пейзаж затягивается фиолетовой дымкой, вытесняющей желтый солнечный свет (*soon the whole landscape was covered and marked with violet shades instead of yellow sunlight*). Следует отметить, что из всех цветов спектра фиолетовый – самый таинственный и загадочный, это цвет фантазии и воображения.

... the man with the big forehead in Twitchett's sitting-room, the man who sat writing, or rather looking, but certainly not at her, for he never seemed to see her poised there in all her finery, lovely boy though she must have been, she could not deny it — and whenever she thought of him, the thought spread round it, like the risen moon on turbulent waters, a sheet of silver calm. Now her hand went to her bosom (the other was still in the Captain's keeping), where the pages of her poem were hidden safe. It might have been a talisman that she kept there. The distraction of sex, which hers was, and what it meant, subsided; she thought now only of the glory of poetry, and the great lines of Marlowe, Shakespeare, Ben Jonson, Milton began booming and reverberating, as if a golden clapper beat against a golden bell in the cathedral tower which was her mind.

Мысли Орландо о собственной жизни сравниваются с восходящей луной над бурными водами, с завесой серебристого спокойствия (*a sheet of silver calm*). Интересной представляется метафорика серебристого и золотого цветов. Когда Орландо начинает размышлять о великолепии поэзии, храня свою поэму как талисман, великие строки Марло, Шекспира, Бена Джонсона, Мильтона оказываются созвучными с этими мыслями – с золотым языком золотого же колокола в кафедральном соборе (*as if a golden clapper beat against a golden bell in the cathedral tower*).

Then she called "shelmerdine" and the word went snooting this way and that way through the woods and struck him where he sat, making models out of snail shells in the grass. He saw her, and heard her coming to him with the crocus and the jay's feather in her breast, and cried "orlando", which meant (and it must be remembered that when bright colours like blue and yellow mix themselves in our eyes, some of it rubs off on our thoughts) first the bowing and swaying of bracken as if something were breaking through; which proved to be a ship in full sail, heaving and tossing a little dreamily, rather as if she had a whole year of summer days to make her voyage in.

Оказавшись в чаще леса, где смешиваются голубой и желтый оттенки, Орландо размышляет о том, как это может отразиться в нашем со-

знании (*when bright colours like blue and yellow mix themselves in our eyes, some of it rubs off on our thoughts*). Возникает образ корабля под всеми парусами, способного совершать летнее путешествие длиной в целый год.

Leaves sighed overhead. Now and again a braided skirt and a pair of tight scarlet trousers crossed the grass within a few steps of her. Once a gigantic rubber ball bounced on the newspaper. Violets, oranges, reds, and blues broke through the interstices of the leaves and sparkled in the emerald on her finger. She read a sentence and looked up at the sky; she looked up at the sky and looked down at the newspaper. Life? Literature? One to be made into the other? But how monstrously difficult! For — here came by a pair of tight scarlet trousers — how would Addison have put that?

На газету, которую Орландо читает в Гайд-парке, падает огромный резиновый мяч. Половина цветов радуги – фиолетовый, оранжевый, красный и синий пробиваются сквозь расщелину листвы и, отражаясь, сверкают на её изумрудном кольце (*Violets, oranges, reds, and blues broke through the interstices of the leaves and sparkled in the emerald on her finger*).

“A toy boat, a toy boat, a toy boat,” she repeated, thus enforcing upon herself the fact that it is not articles by Nick Greene on John Donne nor eight-hour bills nor covenants nor factory acts that matter; it’s something useless, sudden, violent; something that costs a life; red, blue, purple; a spirit; a splash; like those hyacinths (she was passing a fine bed of them); free from taint, dependence, soilage of humanity or care for one’s kind; something rash, ridiculous, like my hyacinth, husband I mean, Bonthrop: that’s what it is — a toy boat on the Serpentine, ecstasy — it’s ecstasy that matters.

Орландо ощущает важность не текущих дел и даже не статей о поэзии, а порывов радости, облачающих всё в красный, голубой, пурпурный цвета, определенного душевного состояния, подобного цветущим гиацинтам (*red, blue, purple; a spirit; a splash; like those hyacinths*).

Though she could hardly fancy it, the body of the heraldic Leopard would be making yellow pools on the floor the day they lowered her to lie among her ancestors. She, who believed in no immortality, could not help feeling that her soul would come and go forever with the reds on the panels and the greens on the sofa. For the room — she had strolled into the Ambassador’s bedroom — shone like a shell that has lain at the bottom of the sea for centuries and has been crusted over and painted a million tints by the water; it was rose and yellow, green and sand-coloured. It was frail as a shell, as iridescent and as empty.

Орландо не верит в бессмертие души, тем не менее чувствует, что его/её душа навсегда останется в любимой усадьбе – среди красноватых стен и зеленых диванчиков (*her soul would come and go forever with the*

reds on the panels and the greens on the sofa). Спальня – как раковина, веками лежавшая на морском дне и окрашенная во множество оттенков розового и желтого, зеленого и песочного (*shone like a shell that has lain at the bottom of the sea for centuries and has been crusted over and painted a million tints by the water; it was rose and yellow, green and sand-coloured*), она такая же хрупкая, как старая переливчатая (*iridescent*) ракушка.

Итак, богатая палитра цветов и её искусное использование в романе позволяет говорить о волнах цвета в море времени – в трех охватывающих события романа столетиях.

Закончим нашу статью словами из бестселлера Дж. Редфилда и К. Адриенн «Удерживая видение»: «Подлинное освобождение – это возможность писать всеми красками на палитре бытия: и ярко-красной, и темно-малиновой, и кадмиево-оранжевой, и желтой охрой, и травяной зеленью, и пурпурной, и терракотовой, и черной, и сине-фиолетовой, и золотистой, и серебряной, и аквамариновой, сознавая, что Бог – во всём» [Редфилд 2008: 255].

Литература / References

1. *Изотова А.А.* Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 16. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 54-58.
2. *Изотова А.А.* Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 43. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 64-72.
3. *Изотова А.А.* Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 44. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 63-67.
4. *Изотова А.А.* Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2014. № 21. – С. 258-260.
5. *Изотова А.А.* Метафорика «слова», «музыки» и «тишины» в романе В. Вульф «Между действиями» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 56. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 58-64.
6. *Изотова А.А.* Индивидуально-авторские концепты «дерево», «цветок» и «птица» в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 56. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 65-72.
7. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: стилистические функции терминов цвета в разных дискурсивных средах // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 56. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 14-26.
8. *Редфилд Дж., Адриенн К.* Удерживая видение. М.: АСТ, 2008.

DOI 10.29003/M102.LMC2018-59/92-104

ЛЕКСИКОЛОГИЯ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА: РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

А.И. Изотов

CZECH LEXICOLOGY: SYLLABUS

Andrey I. Izotov

ABSTRACT:

The syllabus of Czech lexicology for students of Moscow State University of Education (Bachelor degree, Pedagogical education, English + Czech programme) is presented.

Keywords: Czech lexicology; pedagogical education; syllabus; Czech language

АННОТАЦИЯ:

Предлагается рабочая программа учебной дисциплины «Лексикология чешского языка», читаемой студентам Московского педагогического государственного университета в рамках программы подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, Иностранный язык (английский) + Иностранный язык (чешский).

Ключевые слова: лексикология чешского языка; рабочая программа учебной дисциплины; педагогическое образование; чешский язык

1. Цель освоения дисциплины

Целью курса лексикологии чешского языка является формирование профессиональных компетенций на основе системы знаний о словарном запасе современного чешского этнического языка в том числе в его региональных разновидностях.

2. Место дисциплины в структуре ООП бакалавриата

Дисциплина «Лексикология чешского языка» относится к Блоку 1 (дисциплины и модули) вариативной части.

3. Компетенции обучающихся, формируемые в результате освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование и развитие следующих профессиональных и специальных компетенций:

- способность на научной основе организовать свою профессиональную деятельность, самостоятельно оценивать ее результаты (ПК-1);
- способность применять знания чешского языка для решения профессиональных задач (ПК-3);
- способность применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах (ПК-4);
- способность использовать современные образовательные и информационные технологии для повышения уровня своей профессиональной квалификации и общей культуры, самостоятельно осуществлять поиск профессиональной информации в печатных и электронных источниках, включая электронные базы данных (ПК-5);
- способность к теоретическому осмыслению задач профессиональной деятельности (ПК-28);
- способность анализировать взаимосвязи явлений и фактов действительности на базе владения методологией и методикой научных исследований (ПК-30);
- способность анализировать материалы современных исследований в области стилистики и переводоведения для их самостоятельного использования (ПК-32).
- способность воспринимать, понимать, а также проводить многоаспектный анализ устной и письменной речи на изучаемом иностранном языке (СК-2)

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать:

- об основных этапах формирования лексического состава языка чешского этноса;
- об основных процессах, происходивших в лексике чешского языка в исторический период;
- лексическую норму чешского литературного языка, как и основные нарушения этой нормы;
- лексические особенности основных нелитературных идиомов в составе чешского этнического языка

уметь:

- ориентироваться в современной литературе по чешской лексикологии;

- опознавать и квалифицировать лексические диалектизмы в произведениях современной чешской художественной литературы и кинематографа;

владеть:

- базовой терминологией лексикологии чешского языка
- навыками анализа художественных, общественно-публицистических, научно-популярных, деловых, разговорно-обиходных текстов, фиксирующих отклонения от лексической нормы чешского литературного языка

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 4 зачетные единицы (144 часа).

Структура дисциплины

Таблица 1

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Семестр	Виды учебной работы (в академических часах)				
			Л	С	ПЗ	ЛБ	СР
1.	Lexikologie jako nauka o slovní zásobě.	7	2		6		6
2.	Slova nespisovná a ne úplně spisovná.	7	2		6		6
3.	Slova hovorová, knižní, termíny, poetismy.	7	2		6		6
4.	Slova zastaralá a slova nová.	7	2		6		6
5.	Slova expresivní, cizí, řídká.	7	2		6		6
6.	Slovní význam	7	2		6		6
7.	Slova jednovýznamová a mnohovýznamová.	7	2		6		6
8.	Homonyma.	7	2		6		6
9.	Synonyma a antonyma.	7	2		6		6

Содержание дисциплины

Таблица 2

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
1	Lexikologie jako nauka o slovní zásobě	1.1. Slovní zásoba a mluvnice. 1.2. Předmět zkoumání lexikologie. 1.3. Slovo jako jednotka slovní zásoby. 1.3.1. Forma a obsah slova. 1.3.2. Mluvnická utvářenost slova. 1.3.3. Základní tvar ohebného slova. 1.3.4. Slovo jako jednotka lexikálního jazykového plánu. 1.3.5. Samostatnost slova. 1.3.6. Definice slova. 1.4. Varianty slova. 1.4.1. Hláskové varianty. 1.4.2. Tvaroslovné varianty. 1.4.3. Slovo tvorné varianty. 1.4.4. Varianty slova ve vývoji jazyka. 1.5. Slovní zásoba a její složení. 1.5.1. Slovní zásoba aktivní a pasivní. 1.5.2. Jádru slovní zásoby. 1.5.2.1. Původ a trvalost slov. 1.5.2.2. Struktura slov. 1.5.2.3. Význam slov. 1.5.2.4. Jádrová slova a běžná komunikace. 1.6. Systém ve slovní zásobě. 1.6.1. Systém a struktura. 1.6.2. Jazykový systém a jeho dílčí systémy. 1.6.3. Systém ve slovní zásobě. 1.6.3.1. Slovnědruhové vztahy. 1.6.3.2. Formální (slovo tvorné) vztahy. 1.6.3.3. Významové vztahy. 1.6.4. Pojmové pole. 1.7. Vrstvy ve slovní zásobě. 1.7.1 Možnosti překrývání vrstev slovní zásoby. 1.7.2 Slovní zásoba spisovná a nespisovná. 1.7.3 Slovní zásoba celonárodní a omezená územně nebo sociálně.
2	Slova nespisovná a ne úplně spisovná	2.1. Slova obecné češtiny. 2.2. Slova oblastní (regionalismy). 2.3. Slova nářeční (dialektismy). 2.3.1. Etnografické dialektismy. 2.3.2. Slova lidová. 2.4. Slang. 2.4.1. Slang skupin zájmových a skupin profesionálních. 2.4.2. „Nářeční zeměpisná“ a „nářeční sociální“. 2.4.3. Slangy živé a slangy zaniklé. 2.4.4. Studium slangů. 2.4.5. Slangy a spisovný jazyk. 2.4.6. Profesionalismy a spisovné termíny. 2.4.7. Univerbizace. 2.4.8. Haplologie. 2.4.9. Sousloví a frazeologizmy. 2.4.10. Sémantické tvoření. 2.4.11. Slova cizího původu. 2.4.12. Bohatost synonymních pojmenování a expresivita. 2.5. Argot. 2.5.1. Prameny argotu. 2.5.2. Bohatství synonym a expresivita. 2.5.3. Argot a

№ п/п	Наименование раздела дисци- плины	Содержание раздела (дидактические единицы)
		krásná literatura.
3	Slova hovorová, knižní, termíny, poetismy.	3.1. Vrstvy slov podle slohových příznaků. 3.2. Slova hovorová. 3.2.1. Slova hovorová a slova obecná / slova slangová. 3.2.2. Slova hovorová a expresivita. 3.2.3. Slova hovorová a univerbizace. 3.2.4. Slova hovorová cizího původu. 3.2.5. Slova hovorová a psané projevy. 3.2. Slova knižní. 3.3. Odborné názvy, termíny. 3.3.1. Jednoznačnost termínu. 3.3.2. Přesnost termínu. 3.3.3. Ustálenost termínu. 3.3.4. Nosnost termínu. 3.3.5. Neexpresivnost termínu. 3.3.6. Definice termínu. 3.3.7. Motivovanost termínů. 3.3.8. Tvoření termínů. 3.3.9. Vnitřní rozvrstvení terminologie. 3.3.10. Slovnědruhá povaha termínů. 3.3.11. Místo termínů ve slovní zásobě a jejich vývoj. 3.4. Poetismy.
4.	Slova zastaralá a slova nová.	4.1. Vrstvy slov podle časových příznaků. 4.2. Slova zastaralá. 4.2.1. Archaismy. 4.2.1.1. Rozlišení podle postupu zastarávání. 4.2.1.2. Rozlišení z významového hlediska. 4.2.1.3. Rozlišení podle jazykové struktury. 4.2.2. Historismy. 4.2.3. Užití zastaralých slov. 4.3. Neologismy. 4.3.1. Neologismy strukturní a neologismy kontextové. 4.3.2. Neologismy a historické epochy. 4.3.3. Vnější mimojazykové příčiny vzniku neologismů. 4.3.4. Vnitřní jazykové důvody vzniku neologismů. 4.3.5. Neologismy původu domácího a cizího. 4.3.6. Slovtvorné neologismy. 4.3.7. Souslovné neologismy. 4.3.8. Frazeologické neologismy. 4.3.9. Sémantické neologismy. 4.3.10. Neologismy přejaté. 4.3.11. Autorství neologismů. 4.3.12. Jazyková správnost neologismů.
5.	Slova expresivní, cizí, řídká.	5.1. Slova expresivní. 5.1.1. Druhy expresivity podle způsobu vyjádření. 5.1.1.1. Expresivita hlásková. 5.1.1.2. Expresivita slovtvorná. 5.1.1.3. Expresivita lexikálně sémantická. 5.1.2. Kladný a záporný expresivní příznak. 5.1.2.1. Kladný expresivní příznak. 5.1.2.2. Záporný ex-

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
		presivní příznak. 5.1.3. Rozšíření expresivních pojmenování. 5.2. Slova cizí. 5.2.1. Přizpůsobení slovům domácím. 5.2.2. Znaký cizího původu. 5.2.3. Cizí slova zdomácnělá/přizpůsobená a cizí slova nepřizpůsobená. 5.2.4. Proces přizpůsobování cizích slov domácím. 5.2.5. Cizí vlastní jména. 5.2.6. Slova citátová. 5.2.7. Stáří přejetí. 5.2.8. Prameny přejetí. 5.2.8.1. Přejetí z jazyků klasických. 5.2.8.2. Přejetí z jazyků západoevropských. 5.2.8.3. Přejetí z jazyků slovanských. 5.2.8.4. Přejetí z jazyků asijských, afrických a amerických. 5.2.9. Slova mezinárodní. 5.2.10. Funkce cizích pojmenování. 5.3. Slova řidká.
6.	Slovní význam.	6.1. Stránka formální a stránka významová. 6.2. Znaková teorie. 6.3. Slovní význam a pojem. 6.3.1. Zvláštní případy. 6.3.1.1. Citoslovce. 6.3.1.2. Zájmena. 6.3.1.3. Neplnovýznamová slova. 6.3.1.4. Vlastní jména. 6.3.2. Pojmové jádro. 6.4. Vnitřní forma slova. 6.5. Denotace a konotace. 6.6. Struktura významu. 6.7. Slovo a kontext. 6.8. Obsah a rozsah významu. 6.9. Význam lexikální a mluvnický. 6.10. Definice.
7.	Slova jednovýznamová a mnohovýznamová.	7.1. Slova jednovýznamová. 7.1.1. Odborné názvy. 7.1.2. Vlastní jména. 7.1.3. Jednovýznamová jména obecná neternimologická. 7.2. Slova mnohovýznamová. 7.2.1. Sémantické tvoření pojmenování. 7.2.2. Význam původní a význam přenesený. 7.2.3. Metafora. 7.2.3.1. Podstatná jména. 7.2.3.2. Přídavná jména. 7.2.3.3. Příslovce. 7.2.3.4. Slovesa. 7.2.4. Metonymie. 7.2.4.1. Metonymie strukturní. 7.2.4.2. Metonymie kontextové. 7.2.4.3. Metonymie etymologické (historické). 7.2.5. Synekdocha. 7.2.6. Významové změny historické. 7.2.7. Mnohovýznamová slova ve slovní zásobě.
8.	Homonyma.	8.1. Homonyma a polysémie. 8.2. Homonyma podle původu. 8.2.1. Homonyma čistě lexikální. 8.2.2. Homonyma slovotvorná. 8.2.3. Homonyma

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
		slovnědruhová. 8.2.4. Homonyma z rozpadlé polysémie. 8.3. Homonyma podle rozsahu překrývání lexémů. 8.3.1. Homonyma úplná. 8.3.2. Homonyma částečná. 8.4. Nepravá homonyma. 8.4.1. Homofony. 8.4.2. Homografy. 8.4.3. Mezislovní homonyma. 8.5. Mezijazyková homonyma. 8.6. Paronyma. 8.7. Homonyma a dorozumívání.
9.	Synonyma a antonyma.	9.1. Synonyma. 9.1.1. Příčiny vzniku synonymity. 9.1.2. Synonyma jako lexikální jev systémový. 9.1.3. Synonyma a nesynonyma. 9.1.4. Tautonyma a jazykové ekvivalenty. 9.1.5. Definice synonym. 9.2. Klasifikace synonym. 9.2.1. Synonyma podle rozsahu. 9.2.1.1. Synonyma úplná. 9.2.1.1. Synonyma částečná. 9.2.2. Synonyma podle slovnědruhové příslušnosti. 9.2.3. Synonyma podle struktur pojmenování. 9.3. Synonymní pole. 9.4. Synonymní řada. 9.5. Užití synonym. 9.6. Antonyma. 9.7. Druhy antonym. 9.7.1. Lexikální antonyma. 9.7.2. Slovtvorná antonyma tvořená odvozeninami. 9.7.2.1. Antonyma s předponou <i>ne-</i> . 9.7.2.2. Antonyma s předponou <i>ni-</i> . 9.7.2.3. Antonyma s předponou <i>bez-</i> . 9.7.2.4. Antonyma s předponou <i>proti-</i> . 9.7.2.5. Antonyma s cizími předponami. 9.7.2.6. Předpony se vzájemným antonymickým významem. 9.7.3. Slovtvorná antonyma tvořená složeninami. 9.7.4. Souslovná antonyma. 9.8. Zastoupení antonym u slovních druhů. 9.9. Užití antonym.

5. Образовательные технологии.

Все лекции читаются в виде **проблемной лекции** – изложение материала, предполагающее постановку проблемных и дискуссионных вопросов, освещение различных научных подходов, авторские комментарии, связанные с различными моделями интерпретации изучаемого материала.

Иначе говоря, реализуются *технологии проблемного обучения*– организация образовательного процесса, которая предполагает постановку проблемных вопросов, создание учебных проблемных ситуаций для стимулирование активной познавательной деятельности обучающихся.

6. Самостоятельная работа студентов.

Таблица 3

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Вид самостоятельной работы	Трудоемкость (в академических часах)
1.	Lexikologie jako nauka o slovní zásobě.	работа с источниками	6
2.	Slova nespisovná a ne úplně spisovná.	работа с источниками	6
3.	Slova hovorová, knižní, termíny, poetismy.	работа с источниками	6
4.	Slova zastaralá a slova nová.	работа с источниками	6
5.	Slova expresivní, cizí, řídká.	работа с источниками	6
6.	Slovní význam	работа с источниками	6
7.	Slova jednovýznamová a mnohovýznamová.	работа с источниками	6
8.	Homonyma.	работа с источниками	6
9.	Synonyma a antonyma.	работа с источниками	6

7. Компетентностно-ориентированные оценочные средства

Средства оценивания:

1). Диагностирующий контроль

Вопросы к экзамену:

1. Slovní zásoba a mluvnice.
2. Předmět zkoumání lexikologie.
3. Slovo jako jednotka slovní zásoby.
4. Varianty slova.

5. Slovní zásoba a její složení.
6. Systém ve slovní zásobě.
7. Vrstvy ve slovní zásobě.
8. Slova obecné češtiny.
9. Slova oblastní (regionalismy).
10. Slova nářeční (dialektismy).
11. Slang.
12. Argot.
13. Vrstvy slov podle slohových příznaků.
14. Slova hovorová.
15. Odborné názvy, termíny.
16. Poetismy.
17. Vrstvy slov podle časových příznaků.
18. Archaismy.
19. Historismy.
20. Neologismy.
21. Slova expresivní.
22. Slova cizí.
23. Slova řidká.
24. Stránka formální a stránka významová.
25. Znaková teorie.
26. Slovní význam a pojem.
27. Vnitřní forma slova.
28. Denotace a konotace.
29. Struktura významu.
30. Slovo a kontext.
31. Obsah a rozsah významu.
32. Význam lexikální a mluvnický.
33. Slova jednovýznamová.
34. Slova mnohovýznamová.
35. Homonyma a polysémie.
36. Homofony.
37. Homografy.
38. Mezislovní homonyma.
39. Mezijazyková homonyma.
40. Paronyma.
41. Synonyma.
42. Antonyma.

2). Текущий контроль

Формами осуществления текущего контроля являются контрольные опросы (устные и письменные), тестирование, коллоквиум.

Таблица 4

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Средства текущего контроля
1.	Lexikologie jako nauka o slovní zásobě.	контрольный опрос
2.	Slova nespisovná a ne úplně spisovná.	контрольный опрос
3.	Slova hovorová, knižní, termíny, poetismy.	контрольный опрос
4.	Slova zastaralá a slova nová.	контрольный опрос
5.	Slova expresivní, cizí, řídká.	контрольный опрос
6.	Slovní význam	контрольный опрос
7.	Slova jednovýznamová a mnohovýznamová.	контрольный опрос
8.	Homonyma.	контрольный опрос
9.	Synonyma a antonyma.	контрольный опрос

Образец контрольных вопросов и ответов:

1.	Na která dvě velká odvětví můžeme rozdělit jazykovědu?	Jazykovědu můžeme rozdělit na dvě velká odvětví: mluvnici či gramatiku a nauku o slovní zásobě či lexikologii.
2.	Co zkoumá lexikologie?	Lexikologie zkoumá slovo jako jednotku pojmenování, tedy základní stavivo jazykového projevu.
3.	Co zkoumá mluvnice?	Mluvnice zjišťuje, jak se slova spojují ve věty a jak se přitom mění jejich tvary
4.	Proč považujeme mluvnici za vědu abstraktní?	Mluvnice se právem považuje za vědu abstraktní, protože se nezabývá jednotlivostmi, ale formuluje obecné zákony

5.	Copak v lexikologii nejde take o zobecnění?	platné pro celé skupiny jevů. V lexikologii jde také o zobecnění, o postižení společných charakteristických rysů pojmenovávacích jednotek, není však do té míry abstraktní jako u jevů mluvnických.
6.	Jak můžeme zhodnotit rozdíl v zachycení obou složek jazyka?	Popis mluvnické stavby zobecňuje, kdyžto popis slovní zásoby individualizuje.
7.	Co je předmětem zkoumání nauky o slovní zásobě?	Předmětem jejího zkoumání je obsah, forma a funkce pojmenovávacích jednotek a jejich vzájemné vztahy.
8.	Co patří do předmětu zkoumání lexikologů?	Patří sem vše, co se týká pojmenovávacího plánu jazyka. Například, vymezují se základní pojmy z této oblasti, jako jsou slovo, sousloví, význam slova, pojednává se o systémové povaze slovní zásoby a zjišťují se vrstvy v ní, probírají se otázky spojené s významovou a formální stránkou slova.
9.	Které dva základní postupy se uplatňují při zkoumání pojmenovávacích jednotek?	Při zkoumání pojmenovávacích jednotek se uplatňují dva základní postupy: první vychází od formy pojmenovávací jednotky a zjišťuje, jaký je její význam, jaká skutečnost se jí označuje; druhý vychází od skutečnosti a zkoumá, jakými pojmenovávacími prostředky jsou jednotlivé jevy označeny. První postup se nazývá sémaziologický, druhý onomaziologický.
10.	Kde převažuje sémaziologický postup?	Sémaziologický postup převažuje při zkoumání otázek spojených s významem slov.

8. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

б) Интернет-ресурсы

<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud.html>

9. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Основная литература (см. Литература / References) доступна студентам в оцифрованном виде на открытых интернет-ресурсах.

Литература / References

1. *Васильева В.Ф.* Чешский язык. – М.: Дикси-Пресс, 2014. – 512 с.

2. *Изотов А.И.* Лексикология чешского языка. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 264 с. DOI 10.29003/m30.978-5-317-05699-5 [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/ceska_lexikologie.pdf Дата последнего обращения – 01.02.2018.
3. *Изотов А.И.* Чешский язык: учебное пособие по развитию устной речи в двух частях: часть 1: тексты и упражнения. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 176 с. DOI 10.29003/m77.czech_p1 [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/mas_1.pdf Дата последнего обращения – 01.02.2018.
4. *Изотов А.И.* Чешский язык: учебное пособие по развитию устной речи в двух частях: часть 2: грамматика, словарь. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 160 с. DOI 10.29003/m78.czech_p2 [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/mas_2.pdf Дата последнего обращения – 01.02.2018.
5. *Изотов А.И.* Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики = A Sketch of Frequency List of the Core of Common/Colloquial Czech Lexis // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 48. – 2014. – С. 5-25. DOI 10.29003/m21.lmc2014-48/5-25 [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/staff/izotov/jsk_48_01izotov.pdf Дата последнего обращения – 01.02.2018.
6. *Изотов А.И.* Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. - М.: Филоматис, 2012. - 832 с.
7. *Широкова А.Г.* Чешский язык. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. – 352 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud/shirokova1961.pdf> Дата последнего обращения – 01.02.2018.
8. *Akademický slovník cizích slov / Red. V. Petráčková, J. Kraus.* – Praha: Academia, 1998. – 836 s.
9. *Encyklopedický slovník češtiny / P. Karlík, M. Nekula, Z. Pleskalová.* – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. – 572 s.
10. *Hugo J.* Slovník nespisovné češtiny. 2. vyd. – Praha: Maxdorf, 2006. – 460 s.
11. *Ouředník P.* Šmírbuch jazyka českého. Slovník nekonvenční češtiny 1945-1989. – Praha: Paseka, 2005. – 504 s.
12. *Příruční mluvnice češtiny. Vydání 2. / Red. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusinová.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1996.
13. *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. 1. vyd. / Red. J. Filipec, Fr. Daneš.* – Praha: 1978. – 799 s.
14. *Slovník spisovného jazyka českého / Red. B. Havránek, J. Bělič, M. Helcl, A. Jedlička.* Sv. 1-4. – Praha 1960-1971.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Изотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.a.izotova@mail.ru

Кедрова Галина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, зам. декана по работе с иностранными учащимися
e-mail: kedr@philol.msu.ru

Крейчи Станислав Антонович – научный сотрудник межкафедральной лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: k46-7-47@yandex.ru

Кульпина Валентина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Миронова Наталия Изяславовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник межкафедральной лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: migonnat@rambler.ru

Фролова Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, руководитель межкафедральной лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: olga_frolova@list.ru

Черчук Ольга Игоревна – магистрант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru

Щенникова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»
e-mail: schevos@mail.ru